

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
КАФЕДРА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

**ИЗУЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ
МЕНЬШИНСТВ БЕЛАРУСИ В ВУЗОВСКОМ
КУРСЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ
ДИСЦИПЛИН**

*Рекомендовано к печати Советом
Брестского государственного технического университета*

БРЕСТ 2013

УДК 12.13
ББК 363.2

Рецензенты: кандидат исторических наук, доцент А.Ю. Бодак;
кандидат философских наук Н.П. Галимова

Билевич, О.И.

Изучение национальных меньшинств Беларуси в вузовском курсе социально-гуманитарных дисциплин: Методические рекомендации / О.И. Билевич, С.В. Грибова, М.В. Стрелец. – Брест: БрГТУ, 2013.

ISBN 978-985-493-277-4

В настоящем учебно-методическом пособии предлагается материал, который можно внедрить в учебный процесс при изучении национальных меньшинств Беларуси. Авторы избрали в качестве объекта анализа следующие национальные меньшинства: евреев, татар, поляков. Составители методического издания учли новейшие достижения науки. Они стремились написать его доступным для студента языком. В указанной публикации прослеживаются основные этапы каждого из названных национальных меньшинств, показывается их вклад во все сферы социального бытия.

УДК 12.13
ББК 363.2

ISBN 978-985-493-277-4

© Коллектив авторов, 2013
© Издательство БрГТУ, 2013

ЕВРЕИ В БЕЛАРУСИ (XIV – НАЧАЛО XXI ВВ.)

Ключевые аспекты истории белорусских евреев во времена Великого княжества Литовского, Русского, Жомойтского

Еврейство, рассматриваемое в интерьере реалий многовековой истории Беларуси, имеет множество срезов. Все эти срезы, вместе взятые, дают основания для утверждения об уникальности данного нетитульного этноса.

С момента поселения на белорусских землях за евреями закрепился статус самого древнего из населявших их народов. Этот народ уже более трех тысячелетий имеет признаки полноценного этноса. Он за много веков до указанного поселения познал опыт собственной государственности, собственного цивилизационного развития. Принципиально важно отметить, что в то время, когда Палестина совпадала с Израильским, Иудейским царствами, восточноевропейское пространство, в состав которого входит и Беларусь, развивалось в условиях первобытнообщинного строя. Именно от древнейших евреев исходил Старый Завет, с которым генетически связаны мировые религии: иудаизм, ислам, христианство. История, конечно, не знает сослагательного наклонения, но если бы названные царства не потерпели катастрофических поражений от ассирийцев, вавилонян, римлян и сохранились бы в качестве субъектов международных отношений и международного права, не было бы массового рассеивания евреев по всему миру.

Стартовая позиция субъекта указанного рассеивания была такова: родной язык – иврит, самоназвание на родном языке – йегудим, религия – иудаизм. Оно началось две тысячи лет тому назад и, разумеется, на региональном уровне не могли не появиться соответствующие субэтнические группы. Одна из таких групп, известная как кеноониты, в X–XIII вв. входила в этническую структуру восточнославянского пространства. Кеноониты разговаривали на языке титульного этноса.

Точка отсчета истории евреев Беларуси, понимаемая в абсолютно точных выражениях, не установлена. Вместе с тем, их нахождение здесь как минимум с XIV в. убедительно доказывается письменными источниками. Здесь как раз удобный случай для того, чтобы прибегнуть к нехитрым арифметическим подсчетам. Известно, что сейчас идет очередной год XXI в. Если отнять один век от другого, то получится семь веков. Можно, конечно, взять для подстраховки шесть веков. Это все равно выше пятисотлетнего критерия, определенного Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) для коренного народа.

Конечно, нельзя полностью игнорировать точку зрения, согласно которой кеноониты встречаются уже в первых белорусских княжествах. Можно в числе прочих брать в расчет версию о том, что к моменту появления в ВКЛ евреев, мигрировавших из Германии, кеноониты пустили здесь свои корни. Учет данной версии логически приводит к выводу о наличии в ВКЛ с XIV в. двух субэтнических групп: кеноонитов и ашкеназов, имевших общий еврейский знаменатель. Генетически связанных с историей германского еврейства ашкеназов бы-

ло в разы больше. Они появились на территории нашего Отечества со своим специфическим языком под названием идиш. С новым родным языком было связано и новое этническое самоназвание – иди. Разумеется, неизбежно вставал вопрос: «Кто кого ассимилирует?» Этот вопрос был полностью и окончательно решен в пользу ашкеназов, которые на землях, где титульными этносами являлись литвины и жемайты, были известны как литваки.

Хорошо известно, что ашкеназы стали мигрировать из Германии в связи с тем, что стали реальностью массовые расправы с еврейским населением. Мигранты надеялись на то, что на новом месте отношение к ним со стороны властей будет иным. Оправдались ли эти надежды? Ответ следует искать в изданных князьями нормативно-правовых актах. Ученые пока не нашли подобных актов, которые датировались бы ранее 1388 г. Привилей князя гродненского и трокского Витовта, датируемый 24 июня 1388 г., условно можно считать началом правового регулирования положения евреев на белорусских землях. Местом выдачи привилея явился Луцк, а его адресатом – брестские евреи. Название адресата принципиально важно выделить по следующей причине. На тот момент известны только два города в пределах современных границ нашего Отечества, где еврейское население имело признаки оседлого. Это – Брест и Гродно. Ситуация поменяется через 107 лет. Имея в виду расположение этих городов на границе ВКЛ с Польшей, важно подчеркнуть следующее обстоятельство. Привилей Витовта был выдан через три года после подписания Кревской унии, в результате которого великий князь Литовский Ягайло одновременно стал королем польским. Разумеется, уния дала мощный толчок переселению евреев из Польши в ВКЛ.

Выдача грамот, которые регулировали положение евреев на определенной территории, не являлась исключительным явлением. В этой связи преподаватель может назвать грамоты герцога Фридриха евреям Вены (1244), князя Болеслава Калишского (1264) и короля казимира Великого евреям Польши. Тем не менее, мы не можем не подчеркнуть особенностей привилея Витовта, отметив его сходство с грамотой Болеслава Калишского. Литовский историк Стасис Лазутка в своем исследовании «Привилегия-судебник 1388 года евреям великого князя Литовского Витаутаса» говорит о привилее Витовта, как о начале литовского права, отмечает данный документ как уникальный источник ранней восточно-европейской истории еврейского народа, расселившегося в это время (XIV в.) на территории от Черного до Балтийского моря. Лазутка говорит о привилее Витовта брестским евреям как о единственном для этих территорий правовом акте, в котором речь идет о евреях, как о едином народе.

В грамоте Витовта были заложены те основные принципы проживания евреев в Великом княжестве Литовском (дело в том, что до конца XV столетия этой грамотой пользовалось большинство евреев государства). Так, христианин за убийство еврея нес наказание, как за убийство шляхтича. Необходимо отметить, что употребляемое в разных статьях привилея «яко шляхтичу» (т.е. распространение одних норм права и на евреев, и на шляхтичей) вызывало острые споры. Многие исследователи пытались доказать, что знаменитое «яко шляхтичу» является позднейшей вставкой. Привилей Витовта гарантировал неприкос-

новенность личности еврея, свободу богослужения и выполнения обрядов, руководствуясь декретами римских пап, запрещал обвинять евреев в употреблении христианской крови, закладывал основы знаменитой «автономии» еврейской общины, регулировал вопросы суда, обеспечивал широкую свободу хозяйственной деятельности.

Привилеем евреям разрешалось приобретать движимое и недвижимое имущество, особенно много внимания уделялось залоговым операциям. Под залог разрешалось брать любые вещи, исключение составляли лишь церковные и ворованные. Если вещь, взятая евреем под залог, являлась краденой, то первый обязан был принести присягу о том, что он не знал о ее происхождении. В таком случае еврей не нес ответственности.

18 июня 1389 г. Витовт выдал привилей гродненским евреям. Данный привилей определил границы поселений еврейской общины, синагога же и кладбище были освобождены от обложения налогами. Лазутка отмечает значительную узость данного документа по сравнению с брестским. Гродненский привилей регулирует только торговые отношения в одном городе [1].

Несомненно, надежды ашкеназов были оправданы. Были и свои мотивы у князя. Ему импонировала модель межэтнических, межконфессиональных отношений, отмеченная отсутствием антагонизмов, непримиримых противоречий. Реализация данной модели представлялась князю одним из источников достижения внутренней силы страны. Вторым мотивом было стремление пополнить как можно больше субъектов финансовой подпитки ВКЛ, субъектов торгового сегмента экономически активного населения. И надежды Витовта также были оправданы.

Давая позитивную оценку указанного аспекта политики Витовта, важно выяснить, как этот аспект наполнялся реальным содержанием касательно последующих князей ВКЛ. Отношение Свидригайло Ольгердовича (1430–1432) к евреям не было враждебным. Подобный вывод можно сделать на основании деятельности во времена правления данного князя евреев-откупщиков таможенных и соляных доходов. Деятельность откупщиков была распространена в ВКЛ в XV ст. Откупщики приобретали у государства (фактически, у великого князя) за определенную плату право на какой-либо откуп (исключительное право на сбор каких-либо налогов, продажу определенных видов товаров) [2]. К сожалению, равен нулю источниковый базис для изучения того отрезка в истории евреев, когда они были подданными великого князя Жигимонта Кейстутовича.

Этот базис весьма значителен на предмет еврейских подданных Казимира IV Ягеллончика (1440–1492). По содержанию еврейского аспекта внутренней политики он превзошел предшественников. Особо следует отметить отношение этого правителя к польским евреям (польским королем Казимир стал в 1447 г.). В 1453 г. Казимир IV Ягеллончик подтвердил грамоту Казимира Великого, которая, однако, потом была отменена под нажимом польского духовенства (хотя сам король весьма долго сопротивлялся этому нажиму). В Великом княжестве Литовском Казимир дал лишь достаточно обширную грамоту евреям Трок (Тракая), гарантировавшую им значительные привилегии.

Важной отраслью экономической деятельности евреев во времена Казимира IV Ягеллончика было ростовщичество. Причем, нередко евреи давали в долг и главному лицу государства. Казимир не был экономным правителем, львиная доля государственных доходов уходила на реализацию его прихотей. Король и великий князь делали большие долги, занимая деньги у многих состоятельных жителей государства. Постепенно они под разными предложениями стали отказывать королю в кредитах, ибо взимание долгов представляло собой крайне трудоемкую процедуру. В такой ситуации на выручку Казимиру IV Ягеллончику пришли евреи, оказавшиеся куда сговорчивее. Евреи давали значительные суммы вперед, готовы были ждать возврата целые годы и, самое главное, соглашались брать долги тем, чем мог выплачивать их правитель (откупами, товарами и т.д.).

Экономические отношения и интересы Казимира IV Ягеллончика и богатых евреев совпадали. Король и его приближенные оказывали богатым евреям покровительство, обеспечивали защиту.

Вместе с тем, во времена Казимира IV Ягеллончика начинает создаваться почва для острого конфликта между евреями и шляхтой, который разразится в XVI ст. Уже в те времена многие шляхтичи прониклись завистью к богатым евреям. Казимир IV Ягеллончик умер в 1492 г., оставив своему сыну Александру (1492–1506) значительные долги (причем во многих случаях – евреям). Начинаясь новая эпоха в истории литовского еврейства. В 1495 г. евреи были изгнаны Александром из Великого княжества Литовского [2]. Именно в этом году «изгнанию подверглись все евреи Великого княжества Литовского – Бреста, Гродно, Трок, Луцка, Владимира-Вольнского и Киева. Евреи брестской и гродненской общин переселились в соседнюю Польшу и частично – в имения удельных князей литовских.

В апреле 1503 г. Александр разрешил евреям вернуться в Великое княжество Литовское, возвратив им отчужденное имущество.

В лице великого князя и короля Жигимонта I Старого (1506–1548) белорусские евреи нашли деятельного защитника. Он укрепил правовое положение белорусского еврейства законодательными актами: освободил их от обязанности выставлять на войну тысячу всадников, уравнивал в податном отношении с мешанами, предоставил свободу торговли и ремесла и защитил от произвола воевод и старост, судивших евреев, «яка сами хотят» [3].

Приходилось учитывать и внешнее положение княжества. Нуждаясь в деньгах для войны с Москвой, Жигимонт задумал в фискальных интересах централизовать власть над евреями и в 1514 г. назначил генеральным старшиной всех евреев Великого княжества Литовского таможенного откупщика Михеля Езефовича.

В 1551 г. белорусские евреи получили право избрания раввинов. Наиболее знатные евреи в официальных документах обычно титуловались «панами». Подобно шляхтичам, они носили при себе сабли и в случае необходимости всегда готовы были действовать ими.

В то же время Статут 1529 г. запрещал евреям иметь невольников, а Статут 1566 г. определял одежду, которую обязаны носить евреи. В частности, они не

должны были носить дорогие платья с золотыми цепями. «Пусть носят они желтые шляпы или шапки, а жены их – повойники из желтого полотна, чтобы всякий мог отличить еврея от христианина» [3].

Согласно этому же Статуту евреи не имели права занимать государственные должности, нанимать христианок-кормилиц, быть свидетелями в спорах с христианами. Вместе с тем, закон защищал евреев от хулиганства христиан. Все ограничения касались евреев-иудеев, а когда евреи принимали христианство, они и их потомки могли быть зачислены в шляхту [4, с. 309].

Важно обратить внимание на динамику в развитии еврейских поселений.

До 1495 г. в Великом княжестве Литовском было пять городов с оседлым еврейским населением: Брест-Литовск, Владимир-Волынский, Гродно, Луцк, Троки. В других населенных пунктах евреи встречались в этот период только временно: это Дрогичин, Каменец, Кричев, Минск, Новогрудок.

С 1503 по 1569 гг. возникли новые еврейские поселения в Кобрине, Пинске, Индуре, Новом Дворе, Турце, Дворце, Ляховичах, Ратно, Слониме, Сураже.

В это же время создано ядро будущих еврейских поселений там, где евреи имели аренду откупов. Это Витебск, Дрогичин, Каменец-Литовск, Мерочь, Минск, Могилев, Бобруйск, Дрисса, Желудок, Мышь, Новогрудок, Полоцк, Глубокое, Городец, Друя, Молчадь, Мотоль, Мстиславль, Мосты, Острино, Пружаны, Радошковичи, Шерешев [3].

Белорусские земли в составе Речи Посполитой обоих народов: особенности положения еврейского этноса

Известно, что 1 июля 1569 г. была подписана Люблинская уния, что положило начало истории Речи Посполитой обоих народов. Она юридически существовала до 3 мая 1791 г., а фактически – до 1795 г. Великое княжество Литовское являлось неотъемлемой составной частью этой федерации с элементами конфедерации. Изменения, которые касались белорусских евреев в речь-посполитовский период, были более глубокими и более масштабными, чем в период, который предшествовал принятию Люблинской унии.

В период с 1569 по 1667 гг. возникли новые еврейские поселения: Пуховичи, Малеч, Могильно, Слуцк, Смоляны, Брагин, Высоко-Литовск, Копыль, Коссово, Лида, Несвиж, Раков, Радунь, Ружаны, Селец, Словатичи, Сморгонь, Тимковичи, Туров, Гомель, Горки, Копысь, Койданово, Логишин, Любеч, Мозырь, Ошмяны, Речица, Старо-Быхов, Чериков, Узда, Чаусы, Чечерск, Шилов, Зельва [3].

Общая численность еврейского населения на территории Великого княжества Литовского в 60-е гг. XVI в. достигла 20 тысяч человек, а к 1628 г. – около 40 тысяч. По подсчетам известного белорусского историка З.Ю. Копысского, в городах и местечках Беларуси евреи составляли от 2 до 10% населения.

В 1676 г. в Великом княжестве Литовском проживали 32 тысячи евреев. В 1766 г. – уже 157 250, в том числе в Витебском воеводстве – 11 959, в Новогрудском – 21 101, в Минском – 13 422, в Мстиславльском – 2 615, в Виленском – 26 977, в Трокском – 33 738 человек.

В 1789 г. в повете Новогрудском (без поветов Слуцкого и Волынского) проживало 8 569 евреев и 257 159 христиан. На каждых 100 жителей приходилось в среднем 3,2 еврея. «Столицей» евреев Литвы и Беларуси по праву считали Брест-Литовск, где проживало 3 175 евреев (по другим данным – 3 353 человек). В Вильно в это время (1784 г.) проживал 3 381 еврей. За ними следовали такие еврейские общины: Гродненская (2 255), Минская (1396), Пинская (1 350), Дрогичинская, Волковысская и т.д. Вообще следует заметить, что белорусские евреи составляли значительный процент всего городского населения [5].

Именно во времена Речи Посполитой обрела реальные очертания такая форма самоуправления в еврейской общине как кагал. Он был посредником между властями и еврейским населением, которое как иноверное было отчуждено от местных христиан. Отвечал за сбор налогов со всей общины и выполнял административные функции, чем помогал государственным органам управления. Существование кагала соответствовало также интересам городских магистратов, так как кагал наблюдал за исполнением евреями договоров, заключенных с магистратом. Правовой статус и внутренний строй кагальной организации напоминал магдебургское право, поэтому сами евреи были заинтересованы в образовании кагалов [6, с. 521].

Высшим органом еврейского самоуправления являлись Ваады – съезды раввинов и кагалных представителей. Ваад коронных, или польских, евреев существовал с 1580 по 1764 гг., еврейские общины Белоруссии объединялись в составе т.н. «Литовского Ваада», сотрудничавшего с существовавшим в Польше Ваадам Четырех Земель. В 1623 г. в Брест-Литовске собрался первый Ваад белорусских и литовских общин, маршалком (председателем) которого до самой своей смерти состоял брестский раввин Меир Валь, сын легендарного польского «короля» Шауля (Саула) Валя [3].

Недовольство крестьян и городских низов богатыми евреями – откупщиками, арендаторами, управляющими имений, ростовщиками, усиленное религиозным отчуждением, привело во время восстаний и войн к трагическим последствиям для всего еврейского населения, особенно во время антифеодальной войны 1648–1651 гг. и войны России с Речью Посполитой 1654–1667 гг. [4, с.309].

В 1648 г. на Украине началось восстание казаков под командованием Зинovie-Богдана Хмельницкого. Десятки цветущих еврейских общин на Украине были разгромлены, тысячи беженцев хлынули в белорусские и литовские местечки. Однако вскоре восстание охватило часть Беларуси и Литвы. От рук казаков погибло более 2 тыс. евреев Гомеля. «Огнем и мечом» казаки разорили пинскую еврейскую общину и весь Пинский округ. В ходе восстания Богдана Хмельницкого и последовавших за ним русско-польской и польско-шведской войн погибло около 86 тысяч евреев [3].

Разбирая положение белорусских евреев в указанный период, есть смысл разоблачить следующий миф: евреи, якобы, были сплошь богачи, угнетатели крестьянства и простого люда («все деньги у евреев»). В этой связи, достаточно привести цитату из книги известного исследователя еврейской тематики Э.Г. Иоффе (Иоффе, Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси. Краткий научно-

популярный очерк / Э.Г. Иоффе. – Мн., 1996. – 294 с.): «С конца XVII в. еврейская задолженность росла с огромной скоростью. В 1765 г. все литовские и белорусские евреи оказались неплатежеспособными. Только главные кагалы – виленский, брестский, гродненский и пинский, где в совокупности жило 13 тысяч душ обоих полов, а виновны были 1 600 000 злотых, в то время как их ежегодные доходы были настолько малые, что на удовлетворение неотложных потребностей оставалось всего около 100 000 злотых...» [7].

Когда Речь Посполитая стала приближаться к своему закату, начало четко обозначаться существенное ухудшение в положении еврейского населения. Постановления сеймов 1764 и 1768 гг. упраздняли ряд прежних привилегий евреев (в том числе право приобретать шляхетство) и ввели ограничительные меры по вопросам ремесла, торговли и др. [4, с. 309].

В XVI в. Польша, Литва и Беларусь стали одними из важнейших центров еврейского образования. Вожди заботились об укреплении единства еврейского народа и сохранении его национальных особенностей. Обучение детей составляло постоянную заботу кагалов и ваадов. Раввин в каждой общине считался ближайшим опекуном учащегося юношества. Он часто занимал должность рош-иешивы, т.е. ректора высшей талмудической школы, в своем городе и вместе с тем имел надзор за низшими школами или «хедерами». В больших общинах, где раввин имел свои многочисленные духовные и судебные обязанности, должность рош-иешивы занимало особое лицо из среды прославившихся талмудистов [5].

В организации образовательного процесса важное место занимал учет уровня достатка семей, из которых формировался ученический контингент. Еврейские общины содержали особые школы для бедных детей, талмуд-торы. Большинство же детей училось в частных школах – хедерах, однако их учителя-меламеды находились под контролем общины [5].

Организаторы образовательного процесса пошли давно проторенной дорожкой касательно содержательной стороны учебной программы. Еврейское образование в Речи Посполитой продолжало традицию ашкеназского еврейства (евреев Северной и Центральной Европы). Хотя здесь в это время среди евреев были люди, изучавшие светские науки, но они скорее были исключением, чем правилом. Абсолютное большинство получало лишь религиозное образование. Поскольку дети посещали синагогу, такое изучение делалось для ребенка более актуальным и живым, однако меламед, как правило, не успевал пройти за неделю весь раздел и переходил к другому разделу, не закончив предыдущего, и так получалось, что ребенок изучал Пятикнижие только частично [5].

Освещая настоящий вопрос, важно обратить внимание на язык обучения. Изучая с детьми Пятикнижие, меламед переводил его для облегчения понимания на идиш. Грамматика иврита изучалась очень редко. Поскольку изучению Талмуда придавалось огромное значение, часто бывало, что после Пятикнижия дети сразу переходили к Талмуду, не изучая книги Пророков или изучая их недостаточно. Часто ребенок приступал к Талмуду уже в восемь лет. После окончания хедера часть подростков продолжала самостоятельно изучать Талмуд в синагоге (бет ха-мидраш), а некоторые поступали в иешивы.

Современный летописец, как отмечает в своей книге «Краткая история евреев» С.М. Дубнов, дает следующую яркую картину школьной жизни в еврейских общинах Речи Посполитой в первой половине XVII в.: «В каждой общине существовала иешива, глава которой получал щедрое содержание из общественных сумм, дабы он мог жить спокойно и предаваться учению. Общины содержали также на свой счет юношей («бахурим»), обучавшихся в иешиве. К каждому юноше приставляли не меньше двух мальчиков («иеарим»), которых он должен был обучать, дабы упражняться в преподавании Талмуда и в научных прениях. Каждый юноша со своими двумя учениками кормился в доме одного из состоятельных обывателей и почитался в этой семье, как родной сын. И не было почти ни одного еврейского дома, в котором сам хозяин, либо сын его, либо зять, наконец, столующийся у него иешиботник не был бы ученым. Часто же все они встречались в одном доме.

Порядок учения был следующий. Было два учебных полугодия в иешивах: летнее и зимнее. В начале каждого полугодия в иешивах научали с большим прилежанием гемару (Вавилонский Талмуд). И собирались ежедневно мудрецы общины, молодые люди и вообще все, сколько-нибудь прикосновенные к науке, в здании иешивы, где на первом месте восседали начальник заведения (рош-иешива), а вокруг него располагались, стоя, множество ученых и учащихся. Рош-иешива читал лекцию с толкованиями и комментариями. После лекции он устраивал научные прения («хилук»): сопоставлялись разные противоречивые места из текста Талмуда или из комментариев.

При начальнике иешивы состоял особый служитель, который ежедневно обходил первоначальные школы («хедеры») и наблюдал, чтобы дети в них усердно учились и не шатались без дела. Раз в неделю, по четвергам, ученики хедеров обязательно собирались в доме «школьного попечителя» (габай), который экзаменовал их в том, что они прошли за неделю, и если кто-нибудь ошибался в ответах, то служитель бил того крепко плетью, по приказанию попечителя, а также подвергал его великому осрамлению перед прочими мальчиками, дабы он помнил и в следующую неделю учился бы лучше. По пятницам же, еженедельно, мальчиков экзаменовал сам рош-иешива. Оттого-то и был страх в делах, и учились они усердно... Люди ученые были в большом почете, и народ слушал их во всем; это поощряло многих домогаться ученых степеней, и таким образом земля была наполнена знанием.

Знаменитая иешива существовала в Бресте. При изучении Талмуда особое внимание придавалось логическому блеску, умению ученика привести множество доводов «за» и «против» определенного положения. Это развивало логическое мышление, но злоупотребление этим методом грозило привести к тому, что познание истинного смысла Талмуда приносилось в жертву блестящим силлогизмам» [5].

Заметим, что не все еврейские дети были вовлечены в образовательный процесс, что существенно разнилось по объему получаемых знаний, умений, навыков те, кто был в него вовлечен. «Часть девочек получала еврейское образование, но оно обычно ограничивалось обучением чтению, письму и молитвам» [5].

Важно разобраться в статусном различии между меламедом и учителем Талмуда. Положение меламеда, обучавшего молитвам или Пятикнижью, было в обществе невысоко, поскольку он делал то, что в состоянии было делать большинство евреев, и плата, которую он получал, была невелика. Более почетным было положение учителя Талмуда: руководители иешивы (рош иешива), как и ученые-талмудисты, пользовались громадным уважением в еврейской среде [5].

Источники, на которые вполне могут опереться специалисты по иудаике и гебраистике, дают основание делать вывод об аритмии в развитии еврейского образования. К сожалению, наступил момент, когда оно пошло по нисходящей. Жестокая резня и погромы, учиненные Б. Хмельницким, а позднее гайдамаками, общий политико-экономический упадок Речи Посполитой (в XVII–XVIII вв.), ослабление еврейской общинной организации – все это способствовало упадку еврейского образования. Правда, общины, как правило, продолжали содержать талмуд-торы для бедных, но они совершенно утратили контроль над хедерами, где обучалось большинство детей. Уменьшилось число иешив. Изучение светских наук, которое было слабо распространено в XVI в., почти исчезло, но, однако, большая часть еврейских мальчиков продолжала получать образование и в этот период [5].

Белорусские евреи под властью российского императора

Тема, совпадающая с названием настоящего параграфа, представляется весьма объемной по содержанию. Какой бы аспект истории евреев на белорусских землях в 1772–1917 гг. не затронет конкретный автор, он обязательно столкнется с большой насыщенностью содержательной стороны. Адекватно понимая указанное обстоятельство, автор данного параграфа ограничивается наиболее значимыми моментами исследуемых аспектов.

Точка отсчета для содержательной стороны параграфа – 1772 г. Именно в этот год произошел первый раздел Речи Посполитой обоих народов, под власть российской императрицы попали исконные белорусские земли на восток от Западной Двины, Друти, Днепра. Естественно, без малого 55 тысяч тамошних евреев стало жить в новой для себя стране. Этот количественный показатель существенно возрос в результате двух последующих разделов указанного государства, которые датировались 1793 и 1795 гг. Новые власти со временем определились с регулированием положения еврейского этноса, которое в целом было хуже, чем во времена Речи Посполитой обоих народов.

Сенатским указом 1775 г. было узаконено существование кагалов. По представлению генерал-губернатора Чернышева, евреи в Беларуси были выделены в особую податную и сословную единицу. С 1780 г. евреи получили право записываться в купечество и участвовать в сословно-городском самоуправлении.

Вскоре все евреи Беларуси попали в «черту оседлости». По специальному указу Екатерины II, с 1791 года еврейское население удерживалось в границах его расселения. В 1794 г. узаконена расширенная «черта оседлости». Евреям разрешалось «отправлять купеческие и мещанские промыслы» в губерниях: Минской, Изяславской (впоследствии Волынской), Брацлавской (Подольской),

Полоцкой (Витебской), Могилевской, Киевской, Черниговской, Новгород-Северской, Екатеринославской и области Таврической. Днепр по двум его берегам сделали центральной рекой «еврейской территории».

11 апреля 1823 г. последовал высочайший указ, чтобы в белорусских губерниях евреи прекратили винные промыслы и содержание аренд и почт, а к 1825 г. переселились в города и местечки [3].

Политика царизма в отношении евреев включала и образовательный аспект. Ключевой момент по данному аспекту касался казенных училищ, появившихся еще в дореформенное время. Основанные правительством (с 1847 г.) казенные еврейские училища не были в указанное время популярны. В этот период были основаны частные еврейские мужские и женские школы. Однако основание современных школ натолкнулось на решительное сопротивление ортодоксальной части еврейства, и лишь некоторые еврейские дети в России получали в первой половине XIX в. какое-либо светское образование. Распространение светского образования пошло значительно быстрее в 1860–70-х гг., когда в результате реформ Александра II было улучшено гражданское положение евреев и появились надежды на эмансипацию.

Вместе с тем, можно говорить о том, что усилия царского правительства по привлечению евреев в общие учебные заведения в 1860–70-х гг. увенчались успехом. Безусловно, тут сыграл свою роль целый ряд факторов: право повсеместного жительства и государственной службы для лиц, имеющих ученые степени, значительные льготы по отбыванию воинской повинности для получивших образование, наконец, просветительское движение среди самих евреев [5].

Политика царского правительства в отношении указанного этноса была ужесточена после окончания эры Александра II. В 1882 г. Александр III подписал закон, запрещающий евреям жить за пределами городов и местечек, покупать и арендовать землю. Евреев не принимали на работу в государственные учреждения, на офицерские должности в армию, на железнодорожный транспорт. Действовала норма приема евреев в средние и высшие учебные заведения. Евреи, в том числе национальная буржуазия, в 1880-е гг. были фактически лишены права участия в выборах органов городского самоуправления. Все ограничения евреев в Российской империи (как и в Речи Посполитой) имели религиозную основу и не касались евреев, которые принимали христианство.

Вместе с тем, благодаря финансированию со стороны еврейских верхов в конце XVIII–XIX в. успешно развивались еврейская культура и образование. В 1783 г. в Шклове, а в 1788 г. в Гродно были созданы первые в Беларуси еврейские типографии (издавали Библию, Талмуд и др.), в XIX в. расширилась сеть хедеров и иешив. Из Беларуси происходили философ С. Маймон, историки А.Я. Гаркави и С.М. Дубнов. В местечке Копыль появился Менделеев Мойхер-Сфорим, один из основоположников новой еврейской литературы. Развитие образования на русском языке привело к появлению во второй половине XIX в. русскоязычной интеллигенции. В 1881–1906 гг. для нее издавался в Петербурге журнал «Восход» (помещал много материалов о белорусских евреях). Издавались и газеты на языке идиш, которым пользовалось абсолютное большинство евреев Беларуси [4, с. 309–310].

Заслуживает внимания и такой аспект рассматриваемой темы, как демографическое и социальное развитие еврейского этноса на белорусских землях. Наиболее динамичные изменения в данном плане происходили в пореформенный период. Поэтому есть смысл привести соответствующую демографическую конкретику на начало и на конец данного периода.

В 1864 г. в Виленской губернии проживало 102 тыс. душ еврейского населения, в Витебской – 68 тыс., Гродненской – 80 тыс., Минской – 103 тыс. и в Могилевской губернии – 120 тыс. евреев.

В 1863 г. процентное отношение евреев ко всему населению губерний составляло: в Виленской губернии – 11,6%, в Витебской – 9,1, Гродненской – 11,1, Минской – 9,8, Могилевской – 13,3, а всего по пяти губерниям – 11%. Интересно, что в 1864 г. количество евреев в городах Беларуси и Литвы колебалось от 45 до 70%. В Могилевской губернии, например, из 147 538 городских жителей 120 766 составляли евреи, в Витебской из 112 018 – 70 520, в Минской из 126 336 – 61 449 и в Виленской (в 1860 г.) евреями были 80 000 из 133 995 городских жителей.

К началу 60-х гг. XIX в. в Брест-Литовске проживало 8 829 человек, в том числе 7 510 евреев. В городе насчитывалось 1 139 домов, из которых 887-ю владели евреи. В то время в Слониме жило 5 476 евреев из общего числа жителей 6 407 человек. Из 734 домов в Слониме евреям принадлежало 509 [5].

Согласно переписи 1897 г. в 5 белорусских губерниях было 1 202 129 евреев (14,1% всего населения и 35,9% населения Северо-Западного края) [3, с. 310]. При этом они являлись второй по значимости, после титульной, этнической группой на белорусских землях, опережая по количественным показателям и удельному весу даже традиционно многочисленную польскую диаспору.

В 1897 г. в Витебске жило 34 440 евреев (52% населения города), в Бресте – 30 260 (65%), в Гродно – 22 684 (48%), в Минске – 47 652 (52%), в Пинске – 21 065 (74%), в Слуцке – 10 264 (77%), в Могилеве – 21 547 евреев (50%), в Гомеле – 20 385 (55%) [3].

В промышленности они составляли 56,5% от всего самостоятельного населения, в торговле – 86,5%. Большую массу составляла беднота: от 25 до 38% евреев в ряде городов и местечек жило за счет благотворительности. Многие эмигрировали в США, Палестину и др. В то же время торгово-промышленная буржуазия в крае была преимущественно еврейской. Согласно этой переписи 84,5% купцов 5 западных губерний составляли евреи (белорусов было 1,7%). Евреи являлись собственниками 51% фабрик и заводов (например, еврейскому капиталу принадлежало одно из крупнейших в Беларуси акционерное общество «Шерешевский»). Грамотных среди евреев, согласно переписи, было 49% среди мужчин и 28,2% среди женщин (в среднем по Российской империи грамотных было 28,4% среди мужчин и женщин совместно) [4, с. 310].

В рамках рассматриваемого периода необходимо разоблачить такой миф: «евреи занимались торговлей или искали «чистой» работы, избегая работы грязной и тяжелой». Приведем цитату из книги Э.Г. Иоффе (Иоффе, Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси. Краткий научно-популярный очерк / Э.Г. Иоф-

фе. – Мн., 1996. – 294 с.): «Большую часть белорусских евреев в конце XIX в. составляли ремесленники. Среди них в Минской губернии первое место занимали портные и сапожники (50%). Распределение ремесленников выглядело так (в процентах): портные, портнихи, белошвейки, модистки, шапочники, чулочники – 35,1; сапожники, ботиночники, перчаточники и др. – 18; столяры, плотники, токари и др. – 14,6; булочники, мясники, табакораздробители, мельники – 10,6; печники, маляры, стекольщики – 6,8; ковали, медники, литейщики и др. – 6,5; слесари, механики, часовщики и др. – 4; печатники, фотографы, переплетчики – 1,9; ткачи, веревочники, шеточники – 1,5; мыловары, производители ваксы и др. – 1. Соответственно, общему количеству ремесленников в Минской губернии в конце XIX в. евреи составляли более чем 75%...». В 1876 г. в Минской губернии насчитывался 4231 первостепенное значение взглядов некоторых белорусских евреев для развития идеологии и политической тактики сионизма. В 1887 г. (за 10 лет до создания всемирной сионистской организации) М. Усышкин сформулировал на конференции в Друскениках задачи еврейского национального движения. Это были: пропагандистская работа по возвращению евреев в Эрец-Исраэль, сбор необходимых средств, создание в Палестине сельскохозяйственных еврейских поселений. Он отрицал «чисто политический сионизм» Т. Гершля и на Минской конференции сионистов в 1902 г. призывал развивать халуцианство и еврейское сельское хозяйство в Палестине. Усышкин резко выступил также против «плана Уганды», то есть попытки организовать еврейские поселения в Уганде, и в результате отстоял необходимость создания «национального дома еврейского народа в Эрец-Исраэль [8].

Заслуживает быть упомянутым и тот факт, что 25–27 сентября (7–9 октября) 1897 г. в Вильно на съезде представителей социал-демократических групп, которые возникли в некоторых городах Беларуси, Литвы и Польши, был образован Всеобщий еврейский союз в России и Польше (Бунд). В работе съезда участвовали 11 делегатов от Белостока, Варшавы, Вильно, Витебска, Минска и от редакции газеты «Арбейтер Штыме» («Рабочий голос»): А. Кремер, Л. Голдман, А. Мутник, М. Желудская, Дж. Миль, Д. Кац, П. Берман, И. Абрамов, В. Косовский и др. [9, с. 126]. Как видим, абсолютное большинство делегатов представляло исконно белорусские земли.

С исконными белорусскими землями связан и старт партии «Поалей Цион» («Рабочие Сиона»). Место проведения ее первого съезда – Минск, год проведения – 1901.

Как и в предшествующие периоды, важное место в жизни белорусских евреев занимали синагоги. В 1917 г. их было: в Минске – 83, в Могилеве – 50, в Бобруйске – 42, в Витебске – 30, в Гомеле – 26 [3].

Нельзя не отметить и те перспективы, которые открывала перед белорусскими евреями февральская революция 1917 г. в России. Они впервые обрели подлинное гражданское равноправие, перестали быть объектом дискриминации со стороны властных структур. Однако многие завоевания этой революции были перечеркнуты октябрьским переворотом 1917 г.

Еврейский этнос в Советской Беларуси

Октябрьский переворот 1917 г. в России по-разному воспринимался в среде белорусского еврейства. Большинство отечественных евреев поддержало большевиков-ленинцев, которые, придя к власти, закрепили законом равноправие граждан всех национальностей страны, в том числе евреев [4, с. 310]. Остальные мыслили с противоположных позиций. Важно отметить, что причастность евреев к победе советской власти в Беларуси была существенной.

После октябрьского переворота отечественным евреям пришлось пережить тяжелую драму, связанную с войнами, действиями бандитских формирований. В 1919–1922 гг. белорусские евреи стали жертвами погромов со всех сторон: и польских войск, и банд Булак-Булаховича, и частей, находившихся под идейным руководством Бориса Савинкова, и просто банд грабителей («зеленых»), и частей Красной Армии. На территории Беларуси в этот период было учинено 225 погромов [3].

При новой власти кардинально изменилась роль евреев в управлении обществом и государством. Если после февральской революции 1917 г. делались только первые шаги по включению евреев во властные структуры, то после октябрьского переворота этот процесс приобрел беспрецедентный размах. Доля евреев в руководящих органах оказалась в разы большей, чем их доля в общей численности населения. В августе 1922 г. среди членов ЦИКа БССР из 57 человек евреев было 17 (белорусов 19), среди 13 членов Центрального Бюро КП(б)Б евреев было 6 (белорусов 5). С развитием процессов белорусизации и коренизации доля еврейских руководящих кадров уменьшилась, но оставалась значительной [4, с. 310].

После октябрьского переворота у отечественных евреев происходили существенные изменения социального характера, что детерминировалось международным положением, борьбой большевиков с их противниками, поворотами в социально-экономической политике советской власти. Первая мировая и Гражданская войны привели к ускорению процесса урбанизации белорусского еврейства и его массовому оттоку за пределы республики [3]. Согласно переписи 1926 г. в БССР проживало 407 тысяч евреев (8,2% населения республики) [4, с. 310]. В 1920-х годах в результате нэпа была разрушена хозяйственная структура еврейского местечка. Десятки тысяч бывших ремесленников и торговцев лишились не только постоянного заработка, но и гражданских прав (стали «лишенцами») [3].

В 1920-30-е гг. правившая в Стране Советов компартия осуществила первый опыт денационализации в отношении евреев, который был отмечен и частичным учетом их интересов. Денационализацию осуществляла партия, которая поставила во главу угла воинствующий атеизм, исключение всякого свободомыслия, монопольное господство марксистско-ленинской идеологии.

Еврейская община была распущена, еврейские партии ликвидированы, язык иврит запрещен, как и обучение в хедерах и иешивах, преследовались еврейские учителя-меламеды, закрывались синагоги. Советская власть создала для евреев советскую систему образования, просвещения и культуры на языке

идиш без национальных традиций и национальной культуры. Кроме бундовской газеты «Дер векер», все еврейские издания были запрещены [3].

Судьба еврейского образования сложилась следующим образом. Ключевым стал прорыв в отношении государства к языку идиш.

В 1920-30-х гг. в БССР было четыре государственных языка: белорусский, русский, еврейский (идиш) и польский. Если в 1924/1925 учебном году в БССР работало 87 начальных и 42 семилетние еврейские школы с обучением на идише, то в 1926/1927 учебном году количество начальных школ увеличилось до 147, а семилетних – до 53. В них обучалось 24 тыс. учащихся. В начале 1920-х гг. были открыты три еврейских педагогических техникума. В Белоруссии работали еврейские отделения рабфаков, педфаков, кафедра еврейского языка Горьцевской сельхозакадемии, еврейская секция этнолого-лингвистического факультета БГУ, еврейский зоотехникум и т. д. Но в конце 1930-х гг. еврейское образование в БССР было фактически ликвидировано» [3].

В 1920-30-е гг. можно проследить и первый опыт государственной политики по поддержке исследований в области гебраистики. Была создана соответствующая инфраструктура, задействовались хорошо подготовленные научные кадры. В июле 1924 г. был учрежден еврейский отдел института белорусской культуры, затем преобразованный в еврейский сектор Белорусской академии наук. В 1932 г. создан Институт еврейской пролетарской культуры. В 1935 г. в системе Белорусской академии наук был организован Институт национальных меньшинств, который закрыли уже в 1936 г. В Минске был открыт еврейский сектор в Институте белорусской культуры, в библиотеке им. В.И. Ленина, в БГУ на педагогическом факультете [3].

Нижеследующие факты дают основание утверждать о наличии продуктивного этапа в развитии еврейской культуры в БССР.

В 1926 г. в Минске создан Белорусский государственный еврейский театр, который возглавил Михаил Рафальский, а в 1929 г. – еврейская хоровая студия под руководством композитора Самуила Полонского.

В БССР издавались: еврейский ежемесячный литературный журнал «Штерн», двухнедельный журнал «Дер юнгер арбетер», ежедневная газета «Октябрь», еврейская пионерская газета «Дер юнгер ленинец». В 1929 г. в Минске было издано 55 наименований еврейских книг.

Вторая половина 1920-х - первая половина 1930-х гг. стали воистину периодом расцвета еврейской культуры Беларуси. Еврейская культура Беларуси дала миру таких известных художников, как Марк Шагал, Хаим Сутин, Иегуда Пэн, Соломон Юдовин, Меир Аксельрод [3]. Правда, не все из них жили в указанный отрезок времени на территории БССР.

В ходе национально-государственного строительства национальных меньшинств Беларуси были созданы еврейские национальные административно-территориальные единицы – известно 19 местечковых и 3 сельских совета. В 1931 г. в БССР было 10 судов, которые вели дела на языке идиш. В 1920–1930 гг. действовало Еврейское бюро при ЦК КП(б)Б, были созданы еврейские секции при СНК БССР, Наркомате просвещения и др. [4, с. 310].

Со второй половины 1930-х гг. в СССР стал постепенно возводиться в ранг государственной политики антисемитизм. Такой поворот стали ощущать на себе и евреи БССР, численность которых возросла без малого в три раза осенью 1939 г. Если до включения Западной Беларуси в состав БССР она равнялась 375 тысячам, то после этого исторического события один миллион жителей республики относился к настоящему этносу.

Тяжелейшим испытанием для белорусских евреев явилась Великая Отечественная война. Оккупанты совершили против них чудовищное преступление под названием Холокост.

Холокост в Белоруссии – преследование и уничтожение евреев на территории Беларуси в период немецкой оккупации с 22 июня 1941 г. по 28 июля 1944 г., часть общей политики нацистов и их союзников по уничтожению евреев.

На оккупированных территориях действовали Нюрнбергские расовые законы, которые были призваны осуществить изоляцию евреев по расовому признаку. Учет евреев являлся первым шагом к их физическому уничтожению.

Массовые убийства начались практически одновременно с приходом немецких войск и продолжались до полного освобождения республики. Точная информация о количестве жертв и общей численности евреев, проживавших на белорусской территории к моменту начала Холокоста, отсутствует. Однако, по данным большинства научных источников, погибло примерно от 600 до 800 тысяч человек, то есть от 74% до 82% еврейского населения Беларуси [10].

Разумеется, катастрофы белорусского еврейства можно было избежать, если бы оно все было эвакуировано. Однако реальные масштабы эвакуации были никак не соизмеримы с его потребностями. По примерным подсчетам, из районов, захваченных немцами до конца июня 1941 г., было эвакуировано всего около 11% евреев; из районов, оккупированных к середине июля 1941 г., – от 43 до 44%, а из восточной части республики спаслось около 63–64%. В именных списках, составленных в Центральном справочном бюро в Бугуруслане (Оренбургская область РСФСР), в октябре-ноябре 1941 г. было зарегистрировано 222 тысячи евреев-беженцев из Белорусской ССР [10].

Преподавателям необходимо также объяснить студентам, почему оккупанты создавали инфраструктуру изоляции данного этноса. Политика оккупационных властей была направлена на уничтожение всех евреев, оказавшихся под их контролем. Однако быстро убить сотни тысяч человек и решить все связанные с этим вопросы было невозможно, поэтому вначале евреев регистрировали, затем изолировали от местного населения, грабили и эксплуатировали в интересах оккупантов, а только после этого уничтожали... Основной инфраструктурой изоляции евреев были гетто, концентрационные лагеря и лагеря смерти [10].

Часть евреев было спасено местным населением. Среди наших соотечественников есть праведники мира. Праведниками мира называются те, кто спасал евреев во время Холокоста, рискуя при этом собственной жизнью, и кому это звание присвоено израильским институтом «Яд ва-Шем». По данным «Яд ва-Шем», на 1 января 2011 г. в Беларуси это звание было присвоено 555 лицам, во всем мире насчитывается 23 788 праведников в мире. Беларусь занимает 8-е мес-

то в мире по числу праведников после Польши, Голландии, Франции, Украины, Бельгии, Литвы и Венгрии.

Случай наиболее массового спасения белорусских евреев – подвиг партизана Николая Киселева, который спас 218 евреев, жителей деревни Долгиново, выведя их через линию фронта за 1500 километров. Этот поступок получил известность только в 2005 г. Не менее 60 евреев спас смотритель католического кладбища в Барановичах Эдуард Чаша [10].

Заслуживает специального рассмотрения вопрос об участии евреев в антигерманском сопротивлении на оккупированной территории Беларуси. Анализируя события периода оккупации, представляется логичным сосредоточение на следующих аспектах борьбы евреев с нацизмом:

- 1) подпольная борьба и восстания;
- 2) участие в подпольном движении вне гетто;
- 3) деятельность самостоятельных еврейских партизанских отрядов;
- 4) участие евреев в составе полиэтнических партизанских соединений.

Еврейское сопротивление возникло в первые же дни оккупации. Почти не было таких гетто, где бы не действовали патриотические центры. В Белостокском, Брестском, Слонимском, Пинском и других гетто Западной Беларуси возродили свою деятельность молодежные организации, существовавшие до сентября 1939 г. – «Ха-Шомер Ха-Цаир» («Юный Страж»), «Бейтар», «Цукунфт» («Будущее»), «Дроор» (Свобода). В Минске, Глубоком и других местах создавались подпольные боевые и диверсионные группы.

Сопротивление узников приобретало разнообразные формы: распространение листовок, саботаж, диверсии, организация дерзких побегов, стремление дать возможность максимальному количеству боеспособных людей включиться в партизанскую борьбу. Но главная задача состояла в подготовке к восстанию в случае попытки ликвидации гетто. Восстание являлось высшей ступенью еврейского сопротивления [11, с. 21].

Евреи стояли и у истоков партизанского движения в Беларуси. Первые отряды были созданы евреями, по большей части, из числа оказавшихся в лесах окруженцев. Среди организаторов – имена Рувима Голанда, Зусима Черноглаза, Вульфа Израилита, Соломона Геллера, Хаима Шкляра, Изранля Лапидуса, Шан Берковича, Давида Федотова, Ильи Рутмана.

Примечательно, что в официальной документальной публикации, изданной Институтом истории партии при ЦК КПБ, «Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944)» нет даже упоминаний о созданных в начале войны партизанских отрядах Фридмана (Гомельщина), Шкляра (Чечерский район), Окунева (Ветковский район) [12, с. 3, 4].

В лесах Беларуси сражались 374 тысячи партизан. Среди них, по данным Музея истории Великой Отечественной войны в Минске, примерно 30000 евреев. Во многих партизанских формированиях они составляли значительную часть. Например, в бригаде им. Ленина (Барановичская область) из 695 бойцов и командиров 202 были евреями. В бригаде «Вперед» – соответственно 579 и 106, в бригаде им. Чкалова – 1140 и 239. Более 1350 евреев сражались в отрядах

Лидской партизанской зоны, где они составляли 28% всех партизан. В Налибокской пуше из 20 тысяч партизан 3000 были евреями [12, с. 4].

Безусловно, существовали партизанские подразделения, где евреи были в абсолютном меньшинстве или, по крайней мере, не признавались, что они евреи, изменив имена и фамилии при выходе из окружения, бегстве из плена или гетто. Известное число евреев, выходцев из Западной Беларуси и Польши, вступили в партизанские отряды и воевали до конца войны как поляки. Однако в том или ином количестве, но евреи присутствовали почти во всех партизанских отрядах Беларуси.

Созданный в Москве центральный штаб партизанского движения Беларуси и ЦК КП БССР направляли по спецзаданию диверсионные группы, а также партийных работников-евреев для подпольной деятельности в тылу противника. Так, например, только в 1942 г. и начале 1943 г. в партизанских отрядах находились секретари Жлобинского, Чашнического и Дрисенского райкомов партии Моисей Давидович Шапиро, Михаил Исаакович Зубрицкий и Давид Ошерович Лившиц, а также секретари Рогачевского, Петриковского, Осиповичского районов Самуил Монусович Свердлов, Хаим Израилевич Варгавтик, Рувим Хаимович Голанд, секретарь Минского обкома партии Иосиф Александрович Вельский, секретарь Могилевского горкома Иосиф Лейбович Хавкин и многие другие [13].

Первым заместителем начальника Белорусского штаба партизанского движения был секретарь ЦК КП(б) Григорий Эйдинов. Командиром Бельничской оперативной группы являлся Давид Федотов, а начальником штаба Быховской ВОГ – Илья Рутман [14, с.135].

Этот перечень можно продолжить.

Всего в Беларуси евреи занимали в партизанских отрядах следующее число командных постов: командиры партизанских отрядов – 48, комиссары партизанских отрядов – 42, комиссары партизанских бригад и полков, начальники штабов партизанских соединений, бригад и отрядов – 31 [15].

В историю Великой Отечественной войны навсегда вписаны имена наших соотечественников, которые в той драматической ситуации стали создавать еврейские семейные партизанские отряды и лагеря. Идея принадлежала одному из руководителей подпольной организации Новогрудского гетто Тувию Давидовичу Бельскому. Ранней весной 1942 г. Тувию вместе с братьями Асозлом, Зусей и Арчиком удалось бежать из гетто. Вскоре к ним присоединились еще 13 беглецов. Так началась история одного из крупнейших в Европе еврейских партизанских отрядов.

Отряд Тувия Бельского в Налибокской пуше стал центром притяжения для узников гетто Новогрудка, Лиды, Столбцов, Мира, близлежащих местечек. Основной задачей командир считал сохранение жизни чудом спасшихся евреев. Из дня в день отряд продолжал расти. К концу 1942 г. он увеличился до 300 человек, к июню 1943-го – до 750. Летом 1944 г. семейный партизанский отряд насчитывал уже 1230 человек.

Обитатели партизанского лагеря в марте 1944 г. собрали и передали в фонд обороны страны 5321 рубль, 1356 немецких марок, 45 долларов, более 250

золотых и серебряных монет, около 2 килограммов золота и серебра ломом. Боицы отряда пустили под откос 6 эшелонов, взорвали 20 железнодорожных и шоссейных мостов, 800 метров железнодорожного полотна, уничтожили 16 автомашин, убили 261 немецких солдат и офицеров. Они спасли от угона в Германию более 1000 человек [16, с. 48–49].

Летом 1943 г., по примеру Тувия Бельского командир взвода партизанского отряда имени Буденного бригады имени Сталина Шолом Зорин решил организовать семейный отряд. 5 июня 1943 г. он издал приказ №1 о его создании. В целях безопасности отряд передислоцировали в Налибокскую пущу, Ивенецкий район. К январю 1944 г. в нем числилось 556 человек [16, с. 49].

Убежищем для евреев из многочисленных местечек Принеманского края стал семейный партизанский отряд в Липчанской пуше, созданный Иехезкелем Атласом. В мае 1942 г. возник лесной лагерь в Вилейском районе. 15 еврейских семей, примерно 70 человек, тайно бежали из гетто местечка Хотенчицы. Благодаря находчивости, взаимовыручке и поддержке местных жителей, им удалось в течение двух лет скрываться от немцев и выжить.

Еврейский партизанский отряд имени Кагановича, которым командовал Шлема Зандвайс, насчитывал более 500 человек. Все они были недавние узники гетто, бежавшие из Баранович, Кобрина, Пинска. В семейном партизанском отряде Якова Черняка нашли спасение евреи района озера Нарочь [11, с. 50].

Во многих гетто накануне подготовки фашистами массовых расстрелов произошли восстания: в Несвиже (22.7.1942), Мире (09.08.1942), Лахве и Тучине (03.09.1942), Клецке (21.7.1943). Вооруженное сопротивление врагу оказали узники гетто в Глубоком, Кобрине, Новогрудке. Во время восстания в Лахве выведенная на расстрел колонна узников бросилась на конвой: погибло около двух тысяч человек, но 600 смогли вырваться. Они продолжали борьбу с врагом в партизанских отрядах [17, с. 526].

Ранним утром 20 июля 1942 г. крупные силы полиции блокировали территорию Несвижского гетто, и немецкий карательный отряд приступил к прочесыванию. И вдруг произошло небывалое: застрочил пулемет, установленный на крыше синагоги.

Эсэсовцы оцепенели. Ведь до сих пор стреляли только в беззащитных людей. А тут несколько немцев было скошено пулеметным огнем. Завязалась упорная схватка. Оружия у восставших было мало, но действовали они с отчаянной смелостью. Воспользовавшись растерянностью эсэсовцев и полицаяв, значительная часть узников бежала из гетто. Не всем удалось добраться до леса. Каратели жестоко отыгрались на больных, стариках и детях. Но две группы смогли скрыться от погони. Одна из них, во главе с Шоломом Чоловским, достигла Копыльского леса, где создала еврейский партизанский отряд. Другая, возглавляемая Мошей Дамесекком, присоединилась к местным партизанам в Налибокской пуше [18, с. 13].

В местечке Тучин евреи подняли восстание в тот день, на который было назначено уничтожение живших в гетто. Они подожгли дома и открыли стрельбу из немногих винтовок. Во время начавшейся суматохи, под прикрытием ды-

мовой завесы, в прилегающий лес бежало 2000 человек. Но злая судьба преследовала беглецов. Многие были схвачены и расстреляны немцами, устроившими облавы по всему лесу. Некоторых схватили и замучили местные жители, других выдали гестаповцам. В живых осталось только 20 человек [19].

Александр Аронович Печерский сыграл главную роль в восстании в лагере смерти Собибор под Брестом. Большинство узников этого лагеря были евреями.

23 сентября 1943 г. А. Печерский начал разрабатывать план восстания узников и готовить выполнение его. Осторожно и умело была создана группа из шести человек, которая во главе с А. Печерским готовила восстание. Оно было назначено на 14 октября 1943 года. Подготовка велась в темпе, но подбор шел осмотрительно и строго. Были созданы боевые группы, которые получили конкретные задания. Их возглавили самые подготовленные в военном отношении и смелые люди. Общее руководство осуществлял Александр Печерский. Тщательная подготовка, строгая конспирация обеспечили полную внезапность и успех восстания. Восставшие убили 12 немецких офицеров, захватили оружие, убили и ранили 38 охранников, проделали проход в ограждении лагеря и бежали. Правда, вырвались не все. Из 600 узников успели вырваться около 400.

Около половины вырвавшихся из лагеря погибли на минных полях, опоясывавших лагерь, или были расстреляны фашистами и их пособниками из охраны лагеря в ходе массовой облавы. Небольшая группа беглецов, возглавляемая А. Печерским, преодолела все преграды, выдержала все испытания и 22 октября вошла в ряды брестских партизан [20].

Освещение вопроса об участии евреев в боевых делах политэтнических партизанских соединений целесообразно начать с партизанского отряда имени Щорса, возглавляемого Павлом Васильевичем Пронягиным, «белорусским Шиндлером». Шиндлер спас 1200 евреев, Пронягин – 370.

Видное место в боевой деятельности отряда занимает спасение в июне 1942 г. узников гетто в г.Слониме (Гродненская область) [21]. Бывший узник Слонимского гетто Яков Шепетинский вспоминает: «В конце 1941 г. в Слонимском гетто была создана первая подпольная боевая организация, во главе которой стоял мой младший брат, 19-летний Герц. Рядом с ним был и я. Мне тогда исполнился 21 год. Вначале главным в нашей деятельности было установление связи с партизанским движением и местными подпольными организациями. Я возглавил группу по доставке вооружения, а звено связи возглавил Герц, которому удалось быстро установить контакт с группой партизан, где командиром был Пронягин, а комиссаром – Дудко» [22].

Используя свою постоянную связь с узниками гетто, Пронягин предупредил их о готовящемся полном уничтожении. Он составил план побега, передал его в гетто и обеспечил выход узников в лес. Более 150 узников гетто совершили побег и присоединились к его отряду [21]. Касаясь последствий данного факта, отметим, что входившая в состав отряда 51-я группа (рота) формально была многонациональной, но по абсолютному большинству – еврейской. Всего же евреев в отряде была треть, присутствие их было заметно всей округе. Когда пришли слонимцы, комиссар Григорий Андреевич Дудко произнес перед ними

речь: «Бейте фрицев, убийц вашего народа, бейте без страха и жалости, мы вам поможем» [21]. Четыре лейтенанта в спешном порядке обучали в жизни не стрелявших граждан, всего полтора года как ставших советскими, искусству партизанской войны.

Они оказались способными учениками, что было убедительно доказано через кратчайший отрезок времени. В июле 1942 г. Пронягин получил сведения о подготовке немцами окончательного уничтожения гетто в местечке Коссово (Брестская область), в котором еще оставались более 200 евреев, уцелевших после массовой акции. Он принял решение разгромить немецкий гарнизон и освободить узников. Операция была назначена на 3 августа 1942 г., в день, когда оккупанты были намерены уничтожить гетто. Ею командовал Пронягин [21].

Касаясь конкретной роли еврейской 51-й роты в этой операции, бывший узник Коссовского гетто Захар Ошеревич Зимак вспоминает: «Первой в Коссовский гарнизон ворвалась еврейская рота под командованием старшего лейтенанта Федоровича. Полицай, немцы думали, что в город ворвались десантники и стали разбегаться. Еврейская рота стала звать на идиш скрывавшихся еще евреев: “Идн, гейт аройс. Мир зенен идише партизанер. Мир вильн айх ратевен” (“Евреи, выходите. Мы – еврейские партизаны. Мы хотим вас спасти”. – М.С). Услышав еврейскую речь, из укрытий стали выходить женщины с младенцами, старики, больные, даже один равин и несколько беженцев из Германии. В Коссове остался взвод зачистки. Остальная часть партизан двинулась на базу, в урочище “Волчы норы”, Слонимского района, а вслед за ними потянулись спасенные евреи» [23].

Операция завершилась полным разгромом гарнизона, насчитывавшего 300 солдат, и освобождением 200 узников. В течение месяца Коссово находилось в руках партизан, после чего они вместе со спасенными вернулись в свой лагерь [21].

Бой за Коссово не единственный пример боевых дел евреев – щорсовцев. Поздней осенью 1943 г. на страницах подпольной газеты «Заря» появилась информация всего в несколько строк. В ней сообщалось, что группа подрывников под командованием Натана Л. пустила под откос 18 немецких эшелонов с живой силой и боевой техникой. Тогда мало кто знал, что за буквой «Л» стоит фамилия Ликера – опытного, необычайно мужественного и волевого подрывника отряда имени Щорса. Позднее диверсионная группа довела боевой счет подорванных вражеских поездов до 28 [24].

На личном счету Нени Абрамовича Циринского около десяти спущенных под откос немецких эшелонов [10]. Натан Ликер один пустил под откос 28 эшелонов с техникой и живой силой, Имбер Авиезер пустил под откос 12 эшелонов [12]. В характеристике, выданной П. Пронягиным Кармину Зераху Абрамовичу, мы читаем: «Служил в должности начальника отряда подрывников. При личном участии Кармина отрядом было спущено под откос 22 железнодорожных состава с живой силой и техникой противника. Лично участвовал в более десяти крупных боях. Пополнил вооружения батальона имени Щорса 18-ю пулеметами, 10-ю автоматами и 10000 пуль».

В другой характеристике, выданной П. Пронягиным Якову Шепетинскому, написано: «Участник 15-ти крупных боев с силами нацистов и полициями; 5 раз

ыходил на боевые задания по подрыву путей сообщения противника и его телефонной связи. При его непосредственном участии 3 вражеских поезда были ущены под откос» [25].

Весьма примечательна история, которую поведали наши бывшие соотечественники, братья Ицхак (Михаил) и Рувэн Южуки в своей брошюре «Дарошно выжить. Годы и судьбы». Трое братьев Южуков (Борух, Ицхак, Рувэн), два двоюродных брата Гольдманы, множество других евреев стали узниками Погост-Загородского гетто. Южукам, Гольдманам, части других узников удалось убежать из этого пекла. В данной брошюре читаем: «Со временем бродившие по лесам евреи из Погоста, других полесских местечек и сел стали объединяться, находить оружие и отстаивать свое право на жизнь. Так в лесах под деревней Богдановка Пинского района возник наш партизанский отряд. Его назвали именем Кагановича» [26, с. 12]. Судьба распорядилась так, что через определенное время отряд был расформирован, Боруха и Ицхака зачислили в отряд имени Орджоникидзе бригады имени Куйбышева Пинского партизанского соединения, а Рувэна в иное подразделение [26, с. 12]. Их присутствие во всех названных структурах было отмечено героическими делами. Важно отметить, что Южуки воевали в политэтнических партизанских формированиях, причем только в отряде имени Кагановича евреев было большинство.

Заслуживает быть предметом научного исследования вопрос об антисемитских проявлениях в процессе взаимоотношений между участниками партизанского движения и реакции на них его руководителей.

Герой Советского Союза подполковник госбезопасности Кирилл Орловский, командовавший партизанским отрядом имени Берия в Беларуси, в сентяб-е 1943 г. рассказывал сотрудникам института белорусской компартии: «Организовал я отряд имени Кирова исключительно из евреев, убежавших от гитлеровского расстрела. Я знал, что передо мной стоят невероятные трудности, но я пошел на это потому, что все окружающие нас партизанские отряды и партизанские объединения Барановичской и Пинской областей отказывались от этих идей. Были случаи убийства их. Например, «партизаны» – антисемиты отряда Мганкова убили 11 евреев, крестьяне деревни Раджаловичи Пинской области убили 17 евреев, (партизаны. – М.С.) отряда имени Щорса убили 7 евреев» [27].

Трудно поверить, но с ведома И. Сталина в начале ноября 1942 г. Москва направила радиограмму подпольным партийным органам и командирам партизанских формирований, запрещающую принимать в отряды спасшихся евреев. Документ не мог быть более кощунственным: якобы среди них могли находиться завербованные немцами агенты. Какая чушь. Эта очевидная антисемитская установка, исходившая от Сталина, повлекла за собой гибель тысяч евреев, вырвавшихся из гетто [28, с. 37].

В числе примеров антисемитских проявлений в партизанских отрядах можно назвать расстрелы комиссара партизанского отряда им. Сергея Лазо Заскинда, партизана отряда им. Ф.Э. Держинского бригады имени И.В. Сталина Григория Минина, целой группы (!) евреев из Фрунзенской бригады. Осенью 1943 г. анти-иты бригады имени Ф.Э. Дзержинского напали на партизан-евреев из отря-

да им. А.Я. Пархоменко» [13]. Перечень подобных случаев можно продолжить.

Организаторы и руководители партизанского движения виновных не наказывали. Не было с их стороны серьезных разбирательств и тогда, когда нижестоящие командиры устраивали в отношении евреев «шалман».

Партизанское понятие «шалман» означало изгнание в никуда под видом задания или освобождения от небоеспособного балласта. Обычно без оружия и без права добывать или покупать еду в окрестных селах [22] Израильский историк Л. Смилевичкий размышляет по поводу вышеизложенной реакции партизанских верхов: «Существовало ли какое-то всему этому объяснение? В чем состояла логика поведения партизанского командования, фактически покрывавшего и обелявшего виновных в разжигании межнациональной розни при его внешнем осуждении? Да и была ли эта логика вообще? В период германско-советской войны И.В. Сталин выступил с инициативой сделать ставку на русский национализм, что усилило националистические элементы в советской идеологии. Апеллируя к национальным чувствам славянских народов, власти сознательно использовали их исторически сложившиеся национальные антипатии. Антисемитизм, подогретый в годы войны нацистами, оказался при этом как нельзя кстати. По-своему это нашло отражение в деятельности ряда партизанских формирований на территории Беларуси в 1942–1944 гг.» [13].

23 белорусских еврея стали Героями Советского Союза. Полными кавалерами ордена Славы стали два белорусских еврея. В годы Великой Отечественной войны в рядах Красной Армии и Военно-Морского Флота служили 62 генерала и 4 адмирала-еврея – уроженцев Беларуси [3].

В поствоенный период власти довели до логического завершения возведение антисемитизма в ранг государственной политики.

В ходе послевоенной антиеврейской кампании «борьбы с космополитами» в республике были закрыты все еврейские школы и культурные организации. В 1945–1946 гг. волна антисемитизма прокатилась по многим населенным пунктам Беларуси. Кроме заместителя председателя СНК Г.Б. Эйдинова, евреев на уровне высшего партийного и государственного руководства республики не осталось. После убийства в Минске в 1948 г. выдающегося еврейского артиста С.М. Михозлса, в БССР, как и по всей стране, началась антисемитская вакханалия. Евреев арестовывали только за то, что они изучали иврит и идиш, читали книги Шолом-Алейхема.

В 1940-50-е гг. была практически прекращена деятельность религиозных общин [3].

Начиная с 1950-х гг., евреев не брали на работу в партийные органы, КГБ, милицию, на дипломатическую службу. Им по многим позициям стала мешать пятая графа в паспорте.

Власти наложили табу на упоминание реального вклада евреев во все сферы социального бытия в открытой печати. По указанию коммунистической номенклатуры нигде не говорилось о Холокосте, о трагедии отечественных евреев в годы Великой Отечественной войны, об их участии в борьбе против германских агрессоров.

Дополнительным отягощающим фактором для евреев в БССР явилась многолетняя напряженность в советско-израильских отношениях. Именно в связи с этой напряженностью усилилась антиссионистская пропаганда. В 1960-70-е гг. Беларусь становится одним из центров «антиссионистской пропаганды» [3].

В поствоенный период белорусских евреев становилось все меньше и меньше. Преподавателям важно донести до студентов как динамику соответствующего процесса, так и его четкое объяснение.

Численность еврейского населения республики в послевоенный период сократилась со 150 000 в 1959 г. до 112 000 в 1989 г. В 1959 г. в Беларуси насчитывалось 150 тыс. евреев. По переписи 1979 г. в БССР жили 135 тыс. евреев, а в 1989 г. – 112 тыс.

Главным фактором сокращения численности стали в 1970-90-е гг. миграционные процессы и ассимиляция. До 1989 г. эмиграция евреев из Советского Союза не носила массового характера. С 1979 г. по 1988 г. из БССР выехало 9 955 евреев [3].

Власти рассчитывали на то, что все евреи воспримут их политику как данность. Реалии же не были идентичны подобным расчетам. Конечно, в условиях тоталитаризма исключалась любая структурированная оппозиция. Вместе с тем, среди представителей данного этноса было немало тех, кто выдавил из себя психологию раба, в той или иной степени дистанцировался от властных структур. С 1970-х гг. минские евреи стали проводить 9 Мая митинг «на Яме» у памятника погибшим в гетто, который был установлен в 1947 г. Этот памятник – первый в СССР, на котором сделана надпись на идиш: «Евреям – жертвам нацизма». В 1970-е гг. в городе началось движение за национальное достоинство и право на репатриацию: появились подпольные ульпаны по изучению иврита, истории и традиций. Особенно активно эта деятельность развернулась в середине 1980-х гг. [3].

На судьбах белорусских евреев сильно отразилась горбачевская перестройка. Они приветствовали начало демократизации советского общества, курс на гласность, на поддержку плюрализма мнений. В то же время их настораживало отсутствие реакции власть имущих на многочисленные факты антисемитских выступлений на страницах периодических изданий. В этом плане печальную известность снискал себе периодический орган Центрального комитета Коммунистической партии Белоруссии «Политический собеседник».

Разрешение свободного выезда за границу в 1989 г. положило начало массовой алии в Израиль. Пик эмиграции в Израиль из Беларуси приходится на 1989–1991 гг. За три года туда выехало 62 389 человек» [3].

Именно в период горбачевской перестройки власти допустили существование организаций нетитульных этносов, действовавших вне их идеологического контроля. Первые еврейские организации в Беларуси возникают в конце 1980-х гг. В 1988 г. создается Минское общество любителей еврейской культуры (МОЛЕК), а в 1991 г. официально регистрируется Белорусское объединение еврейских организаций и общин, вошедшее в состав Ваада СССР [3].

Особенности постсоветского периода в истории белорусских евреев

25 декабря 1991 г. первый и последний президент СССР Михаил Горбачев подал в отставку. Начался постсоветский период истории Беларуси. Его главная особенность – антисемитизм больше не возводился в ранг государственной политики. Можно однозначно утверждать о кардинальном изменении отношения властных структур к отечественным евреям. При активной поддержке и помощи представителей данных структур сооружались и сооружаются памятники жертвам Холокоста. Президент А.Г. Лукашенко стал первым белорусским руководителем, посетившим символ Холокоста на белорусской земле – Яму. Подобные посещения со стороны главы государства имели место и в дальнейшем. Он первым во властном эшелоне обратил внимание на существование во время германской оккупации БССР в 1941–1944 гг. еврейских семейных партизанских отрядов, на участие евреев в подпольном движении на территории республики в данный отрезок времени. Именно благодаря инициативе Александра Григорьевича Лукашенко в нашей стране были организованы мероприятия, посвященные 65-летию со дня уничтожения Минского гетто. Именно его глубоко содержательное выступление стало кульминацией данных мероприятий. Решением Минского городского Совета депутатов переулок Мебельный переименован в улицу имени одного из руководителей подполья в Минском гетто Михаила Гелбелева с установкой мемориальной доски. В марте 2008 г. Национальное агентство по туризму Беларуси разработало экскурсию «Расстрелянные звезды. История Минского гетто» [3].

Власти впервые за многие годы стали адекватно оценивать вклад отечественных евреев в развитие науки, культуры, образования. Национальный банк Беларуси с 15 января 2008 г. ввел в обращение памятные монеты «3. Азгур. 100 год», посвященные 100-летию со дня рождения белорусского скульптора, еврея по национальности, Заира Азгура [3]. Увековечена память о великих художниках: Заборове, Сутине, Шагале.

Улучшение общего климата для формирования и совершенствования институтов гражданского общества в Республике Беларусь благотворно сказалось на деятельности Союза белорусских еврейских общественных объединений и общин (СБЕООО). Председатель СБЕООО заслуженный архитектор Республики Беларусь, лауреат Ленинской премии Леонид Левин является весьма авторитетной фигурой в стране, признан как архитектор и общественный деятель далеко за ее пределами. Для показа результатов деятельности СБЕООО достаточно привести такие факты. 1993 год – открытие первого еврейского детского сада. 1994 год – открытие первой общеобразовательной еврейской школы [29]. Ныне иврит изучается в более чем 20 школах выходного дня для детей и взрослых, в 4 детских садах [4, с. 311]. СБЕООО активно поддерживает еврейские коллективы художественной самодеятельности (образцовый театр еврейской песни «Симха» в Минске, народный ансамбль еврейской музыки «Шолом» в городе Лида, еврейский музыкальный ансамбль «Блуждающие звезды в городе Полоцке и др.) [4, с. 311]. Серьезную репутацию имеет периодический орган СБЕООО – газета «Авив» («Весна»).

Государство перестало быть атеистическим, что предопределило успешное функционирование иудейского религиозного объединения в Республике Беларусь (ИРО). ИРО активно пропагандирует свою деятельность на страницах собственной газеты «Берега». Верующие евреи с воодушевлением восприняли следующие факты. 1992 год – приезд в Беларусь первого раввина. 1994–1996 гг. – возвращение еврейской общине первых трех зданий синагог, конфискованных коммунистами [29]. С октября 2005 г. на хлебозаводе в Могилеве выпекается кошерный хлеб [3].

Одной из особенностей постсоветского периода в истории белорусских евреев является влияние фактора белорусско-израильских отношений. Их точка отсчета – установление дипломатических отношений в марте 1992 г. Белорусское посольство в Тель-Авиве открылось весной 1992 г., а израильское – в октябре 1993 г. Двустороннее сотрудничество существенно активизировалось в результате визита А.Г. Лукашенко в Государство Израиль в 2000 г. Растет товарооборот, увеличивается число совместных предприятий, укрепляется народная дипломатия, все больше заявляет о себе Лига межпарламентской дружбы «Беларусь – Израиль». Израильская сторона высоко ценит вклад современных белорусских властей в увековечение памяти о представителях политической элиты Государства Израиль, родившихся на белорусской земле. Известно, например, что Республика Беларусь осенью 2013 г. стала первым государством на постсоветском пространстве, в котором установлен памятник израильскому государственному деятелю. Речь идет о памятнике бывшему премьер-министру Менахему Бегину в Бресте. Белорусская сторона рассчитывает на активное участие наших бывших соотечественников в двустороннем сотрудничестве. Многие белорусские евреи проявляют интерес к тем программам, которые реализует израильский информационно-культурный центр в Минске.

В анализируемый период продолжался выезд представителей указанного этноса на постоянное место жительства в Израиль. Открытие израильского посольства в белорусской столице существенно улучшило условия для подобного выезда. Правда, израильский вектор был не единственным, что отрицательно воспринималось политическим истеблишментом земли обетованной. В этой связи можно привести такой факт. В 1989–1994 гг. число репатрировавшихся из Беларуси в Израиль составило 49 243 человека. За это же время еврейская иммиграция в Соединенные Штаты и другие страны составила 227 000 человек [3].

Белорусские евреи, ушедшие на заслуженный отдых, ощущают действенную заботу со стороны организации «Хесед». Ее клиентура – без малого 20 000 отечественных евреев соответствующего возраста. Приблизительно столько же белорусских евреев не принадлежат к этой клиентуре.

Больше всего евреев живет в столице Беларуси, Минске. Остальные действующие крупные общины находятся в Бресте, Витебске, Гомеле, Могилеве, родно, Бобруйске, Полоцке, Мозыре, Барановичах и Пинске [3].

Список цитированных источников

1. Фридман, А. Поселение евреев на территории Беларуси // Википедия [Электронный ресурс] – 2001. – Режим доступа: <http://www.beljews.info>. – Дата доступа: 28. 04. 2013.
2. Евреи Беларуси. История. Еврейская генеалогия. [Электронный ресурс] – Режим доступа: jewishperson.org/stepjewishhist. – Дата доступа: 28.04.2013.
3. История еврейской общины Беларуси. [Электронный ресурс] / Союз белорусских еврейских обществ. объединений и общин // Википедия. – Режим доступа: beljews.org/articles129.html. – Дата доступа: 30. 04. 2013.
4. Іофе, Э. Яўрэі / Э. Іофе // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск, 2003. – Т. 6, кн. 2: Усвея – Яшын. – С. 309–311.
5. История евреев и еврейского образования в Беларуси [Электронный ресурс] / Википедия. – Режим доступа: vevivi.ru/best/istoriya-evreev. – Дата доступа: 28. 04. 2013.
6. Іофе, Э. Кагал / Э. Іофе, Я. Басін // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск, 1996. – Т. 3. – С. 521.
7. Баторын, Ф. Развэйванне міфаў / Ф. Баторын // Літаратура і мастацтва. – 1997. – 7 лют.
8. Космач, Г. Гуртуючы нацыю / Г. Космач // Полымя. – 2001. – № 12. – С. 319.
9. Біч, М.В. Бунд / М.В. Біч, Э.М. Савіцкі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск, 1994. – Т. 2. – С. 126–132.
10. Холокост в Белоруссии [Электронный ресурс] / Википедия. – Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki. – Дата доступа: 15. 11. 2013.
11. Мельцер, Д. Нет, узники не стали на колени // VESTNIK. – 2003. – Vol. 15.1. – №(313). – January 22.
12. Мельцер, Д. Еврейское антинацистское сопротивление в Белоруссии / Д. Мельцер // VESTNIK. – 1999. – Vol. 11.2. – №-14(221). – Mai 3.
13. Смиловицкий, Л. Антисемитизм и партизаны // Камертон. – 1997. – 28 февр.
14. Іоффе, Э.Г. К вопросу об участии евреев в Великой Отечественной войне // 55 гадоў перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне: погляд праз гады, новыя канцэпцыі і падыходы: матэрыялы навук.-тэарэт. канф., Мінск, 5 мая 2000 г. / БДПУ імя М. Танка. – Мінск, 2000. – Ч. 1. – С. 135–136.
15. Подрабинник, И. Евреи СССР в войне 1941–1945 годов // Личный архив С.Ф.Шапиро.
16. Мельцер, Д. Неизвестная страница еврейского сопротивления // VESTNIK. – 2000. – Vol. 12.1. – №-7(240). – March 28.
17. Гольдзін, А.З. Гетта / А.З. Гольдзін, Э.Р. Іофе // Энцыклапед. гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск, 1999. – Т. 2. – С. 525–526.
18. Мельцер, Д. Исчезли в пламени катастрофы // Новое русское слово = Dayly Novoye Russkoye Slovo. – 1993. – 24 октября.
19. Боршгтейн, Ш. Сопротивление евреев // Личный архив А.М. Бляхера.
20. Балин, Р. Собирор непокоренный // Лехаим. – декабрь 1995 г. –январь 1996 г.
21. Карив, А. Список Пронягина // Окна. – 1994. – 16 июня.
22. Шепетинский, Я. Партизанская война // Личный архив А.М. Бляхера.
23. Зимак, З. Правда о войне // Карлин. – 2003. – 26 ноября.
24. Припотнеев, А. Не стареет дружба боевая // Личный архив А.М. Бляхера.
25. Ингбер, А. Сара Шнер-Нешмит. «51-я рота» // Личный архив А.М. Бляхера.
26. Южук, Ицхак (Михаил). Даровано выжить. Годы и судьбы / Ицхак (Михаил) Южук, Рувэн Южук / Под ред. В.Л. Ильенкова. – Пинск, 2002.
27. Соколов, Б. Как решали «еврейский вопрос» советские партизаны // Еврейское слово. – 2001. – № 33.
28. Мельцер, Д. Холокост и страны антигитлеровской коалиции // VESTNIK. – 1998. – Vol. 10.1. – № 4(185). – January 17.
29. Из истории евреев Беларуси [Электронный ресурс] / Еврейский Обозреватель. 2001–2006. Еврейская конфедерация Украины. – Режим доступа: www.jewukr.org/jewukr.org/ob-server/co2003/page_sho... – Дата доступа: 30. 10. 2013.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ТАТАРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

Появление татар на белорусских землях

Историю татар в Беларуси и Литве, а позже на землях польско-литовского государства, историк Ян Тышкевич разделяет на четыре периода [1, с. 201]. Первый период (XI–XIV вв.) – это существование большого количества купеческих колоний, где вместе с другими был и тюркский элемент. Однако надо отметить, что вопрос существования таких колоний в домонгольское время в русско-литовских городах изучен очень слабо. Второй период (XIV–XVI вв.) – это поселение в ВКЛ татарских военнопленных и «выезды» в Литву татарских феодалов с челядью. Третьим периодом Я. Тышкевич выделяет образование в городах татарско-литовской народности, сохраняющей мусульманство, но говорящей на русском и польском языках (XVII – первая половина XVIII вв.). И четвертый период (вторая половина XVIII – первая четверть XX вв.), в течение которого формируется татарская интеллигенция. Этот период также отмечается началом изучения истории литовских татар.

Определить, когда оказались предки современных татар на территории белорусских земель, точно очень трудно. В АВАК (Акты Виленской археографической комиссии) упоминается, что в ВКЛ первые поселения татар появились при Гедымине [2, с. XVIII]. Такой же вывод делает и известный исследователь истории татар А. Мухлинский в своей монографии «Происхождение и состояние литовских татар» (1857 г.) [3, с. 21]. Автор утверждает, что первые татары появились здесь во времена Гедимины, который в качестве наемников использовал их в своем войске. Так, в битве с Тевтонским орденом в 1319 г. татары составляли передовой отряд войск Гедимины, а после войны часть их осталась в его государстве, получив в награду землю. Это подтверждается и свидетельством анналиста францисканского ордена Луки Вадингга (цитата из работы которого также содержится в монографии Мухлинского), который под 1324 годом пишет о присутствии в Литве пришельцев из владений какого-то хана – скифов, которые в своих молитвах пользуются азиатским языком [3, с. 22]. Как дальше упоминает А. Мухлинский, скифами францисканцы называли татар, и речь идет о главе Золотой Орды – Узбек-хане. Так, А. Мухлинский делает вывод, что татар в ВКЛ в то время было уже немало, так как монахи-францисканцы включили их в народонаселения Литвы. Таким образом, по мнению А. Мухлинского, эти поселения и были первыми в ВКЛ.

Однако наиболее татар было переселено на земли Беларуси при Витовте, который создал здесь благоприятные условия для их существования. Вообще татарское население на протяжении веков (конец XIV–XVI вв.) образовалось на этих землях из трех элементов:

- 1) из оселых наемных и союзных воинов татарских орд;
- 2) из улусов, пригнанных Витовтом, плененных в войнах с татарами;
- 3) из выходцев, которым надоели междоусобицы на родине, и они добровольно переселились в Литву [3, с. 21].

Существует мнение, что определенная часть татар попала на территорию Беларуси во время переселения в ВКЛ хана Золотой Орды Тохтамыша с остаткам войск после его поражения в битве на реке Терек с Тимуром за ханский престол. Битва состоялась 22 джумази 797 года хиджры, т.е. 14 марта 1395 г. по христианскому летоисчислению [4, с. 27]. А. Мухлинский же утверждает, что Тохтамыш попал в ВКЛ только в начале 1397 г., когда и был дружелюбно принят Витовтом, который хотел использовать его в своих политических целях. Так, изгнанник был поселен в городе Лида, где он прожил два с половиной года в отдельном доме, что стоял в окрестности Лидского замка (там, где сейчас каменный костел) [5, с. 76]. Витовт пообещал Тохтамышу вернуть ханство, а тот в свою очередь, должен был помочь ему захватить Московский престол: «азъ ты пасажу въ Ордь на царствъ, а ты мя посадишь на княженьи на великомъ на Москвъ» [2, с. XVIII]. Поход Витовта на Смоленск в 1395 г. проходил под видом военной кампании против Тимура [5, с. 77].

В результате совершенного похода войск ВКЛ под руководством Витовта в 1397–1398 гг. в причерноморские степи на ногайских и заволжских татар, последним было нанесено большое поражение. В этом походе вместе с войском ВКЛ участвовали и дружины Тохтамыша. Так, соединенное войско у Азова переправилось через Дон и выступило на татар Азовской Орды, продвинулось до Волги [3, с. 11]. В результате победоносного похода было взято в плен несколько улусов (или несколько тысяч татар), захваченных врасплох. Витовт часть из них направил в Польшу, где определенное количество из них окрестили. Остальных татар, которые составляли большую часть, Витовт пригнал в Литву и разместил их на берегах реки Ваки (приток Вилии) в 14 верстах от Вильнюса, а также в самой Вильне и в Лидском, Трокском, Ошмянском уездах Виленской губернии, Новогрудском уезде Минской, Брестском уезде Гродненской, на Вольни и Августовской губернии [3, с. 11]. Татары на новой родине не смешивались с местным населением, селились локализованно – общинами.

Надо отметить, что именно с 1397 г. ведется отсчет времени постоянного местонахождения татар на белорусских землях. Их переселение продолжалось и в XIV–XVI вв.

Татары-мусульмане в составе Речи Посполитой (XVI–XVIII вв.)

В результате Люблинской унии ВКЛ с Польшей в 1569 г. было образовано государство Речь Посполитая, в составе которого, разумеется, оказались и татары. Их взаимоотношения с местным населением почти всегда были мирными, причем они даже часто выступали против своих единоверцев – крымских татар и ногайцев, которые во время грабительских нападений достигали белорусских деревень и городов. Татары никогда не пытались завоевать господствующее место в политическом и экономическом положении страны. Только в военном деле они стремились отличиться и получить командные должности. Вместе с местным населением они участвовали в войнах со странами завоевателями за освобождение Речи Посполитой [6, с. 32].

Анализ законодательных документов ВКЛ XVI в. свидетельствует, что право того времени предусматривало ряд ограничений для татар. В отличие от

большинства населения ВКЛ, которое было христианским, татары, исповедовавшие ислам, относились к так называемой категории «еврей, татарин, всякий басурманин» [7, с. 158].

Согласно одной из статей Статута ВКЛ 1529 г. татарам запрещалось выступать в суде свидетелями против христиан, а статьей 6 (раздел XII) запрещалось покупать христиан в неволю. Правда, в результате высказанных королю протестов в связи с ограничениями в правах, татарская аристократия смогла добиться определенных уступок. Привилеем от 25 сентября 1561 г. Жигимонт II Август уравнивал права военнотатарских татар в суде с правами христианской шляхты.

По Статуту 1566 г. запрещалось назначение татар на государственные должности [8, с. 9–10]. Так, татары, которые исповедовали ислам, не могли занимать высшие государственные должности. Высокого положения достигали представители только тех родов, которые переходили в христианскую веру. Закон так же запрещал христианкам быть кормилицами татарских детей. Не позволялось христианских детей обращать в ислам и делать им обрезание. Определенные ограничения существовали в судебном деле. Статут ВКЛ 1588 г. запрещал принимать в суде свидетельства мусульман. Правда, это не касалось татар, имевших привилегии на шляхетские вольности. За ними признавалось право свидетельствовать в суде наравне с литовской шляхтой.

Но стоит отметить, что источники XVI–XVII вв. сообщают о том, что, несмотря на некоторые ограничения в правах, татарская знать имела челядь, кормилиц христианского вероисповедания, между христианами и татарами заключались браки [9, с. 43]. При этом такие браки были запрещены (кроме случая, когда вторая сторона принимала христианство).

В 1591 г. на территории Речи Посполитой проживало около 100 тысяч татар [7, с. 159]. Первое поколение местных мусульман сохраняло и использовало родной язык. Однако уже в середине XVI в. татары в ВКЛ разговаривали в основном по-белорусски или по-польски. Особенно это было характерно для жителей городов. К тому же происходила определенная их ассимиляция. Многие мурзы и князья принимали христианство. Однако большинство татар сберегли свою веру – мусульманскую религию и тем самым смогли сохраниться как самостоятельная группа.

В нач. XVII в. во время контрреформации католическая церковь ущемляла деятельность татар-мусульман. Виленский епископ Война (1600–1615) препятствовал строительству мечетей. В 1609, 1611, 1613 гг. по инициативе католической шляхты сойм запретил татарам служить ротмистрами, поручиками, хорунжими. 2 июля 1609 г. толпа паломников, которая собралась в Троках на праздник, разрушила старинную мусульманскую мечеть, а новую духовенство уже не разрешило строить. Сеймик Галиции в своих постановлениях 1666 г. и 1667 г. потребовал под угрозой конфискации имущества, чтобы «в воеводстве русском татары в поместьях мечети не строили» [10, с. 8–9]. В 1616 г. было издано антитатарское произведение М. Чижевского «Альфуркан татарский...». В том же 1616 г. сойм запретил татарам приобретать шляхетские владения, держать челядь, под угрозой смерти брать в жены христи-

нок. Татарские женщины часто обвинялись в колдовстве. В итоге много татар выехало в Крым и Турцию (преимущественно те, кто переехал сравнительно недавно). Часть татар приняла католичество и постепенно ассимилировалась. Количество татар-мусульман во второй половине XVIII в. согласно разным сведениям составляло от 30 до 60 тысяч человек [11, с. 67].

Таким образом, законодательство того времени предусматривало ряд ограничений для татарского населения, но были и некоторые привилегии для военнослужащих татар и шляхты. Но, в общем, стоит отметить, что, несмотря на существовавшие ограничения в правах, татары могли обходить отдельные запреты, например, заключать браки с христианами.

Татары-мусульмане в составе Российской империи (XVIII - нач. XX вв.)

В конце XVIII в. территории Беларуси, в результате трех разделов Речи Посполитой, были присоединены к Российской Империи. Царское правительство в зависимости от политической обстановки по-разному относилось к приверженцам ислама.

Под контролем российских властей оказались такие важные вопросы в жизни верующих мусульман, как строительство новых и ремонт старых мечетей, выборы имамов (глав прихода, общины), конфликтные ситуации в общинах. Эти и другие проблемы должны были решаться с санкции государственных властей, порой на самом высоком уровне. Например, вопрос о подчинении местных мусульман высшему конфессиональному органу рассматривался несколько раз. В 1803 г. татары западных губерний отказались подчиняться оренбургскому муфтию, мотивируя свое несогласие привилегированным положением, которое было даровано татарам польскими королями [12, с. 192–193]. Речь в данном случае идет о системе джемиатов. Так, определенное количество татарских поселений, приписанных к мечети и жертвующих на ее содержание, создавало приход. Крупная община, или агол, называлась еще джемиатом (от арабского «собрание»). В XV – XVIII вв. джемиат играл важную роль в жизни татар Литвы и Беларуси. Ему в первую очередь принадлежала прерогатива избрания имамов. Джемиаты от имени татарской общины выдавали разнообразные аттестаты, свидетельства, подтверждения шляхетских привилегий и т. д.

Известно, что татары Речи Посполитой в течение нескольких столетий сохраняли экономические, культурные и конфессиональные связи с Крымом и Турцией, признавая до конца XVIII в. духовную власть над собой турецкого султана как халифа всех мусульман. Чтобы уменьшить влияние Османской империи на своих бывших подданных, на завоеванной Российской Империей (в 1783 г.) территории Крымского ханства, власти основали муфтият, который был преобразован в Таврическое магометанское духовное правление, действовавшее до своего закрытия в 1925 г. Татары западных губерний России не сразу подчинились крымскому муфтию. Некоторое время у них было самостоятельное управление. Это произошло только в 1831 г. в связи с общими преобразованиями в крае, связанными с восстанием 1830–1831 гг. Мусульмане западных губерний никогда не имели своих представителей в Таврическом магометан-

ском духовном правлении. Обращались они туда для утверждения выписок из метрических книг, а также кандидатов на должности имама (муллы) и его заместителей, иногда по финансовым вопросам, например, за разрешением собирать пожертвования на ремонт и строительство мечетей [13, с. 268].

Все требования по поводу строительства мечетей были объединены в «Уставе строительном» (1857), в котором этому вопросу был посвящен отдельный раздел («О построении магометанских мечетей»). Согласно статьям 260–265 устава, мечети разрешалось строить «не иначе, как по представлениям от приходов и приходских чинов магометанскому духовному начальству... и с утверждением начальства губернского» (ст. 260); построить мечеть могли только те общины, где было не менее чем 200 мужчин-мусульман, а мечеть и мулла находились в содержании у общины (ст. 261); проекты зданий должны были утверждаться местными губернскими правлениями (ст. 264) [14, с. 12].

Существовала также жесткая бюрократическая опека и контроль над выборами имамов в мусульманских общинах. По указу от 14 декабря 1837 г. решения общины об избрании имама, принятые голосованием, должны были быть подписаны у местных властей и представлены в Таврическое духовное правление, которое потом обращалось в губернское правление, где принималось окончательное решение об утверждении того или иного претендента. Властями досконально изучались все сведения о поведении кандидатов, проверялась их лояльность к монарху и государству. Если имам был избран из представителей сословий, платящих подати, то он освобождался от соответствующих налогов и повинностей, пока находился на этой должности. В западных губерниях на протяжении XIX в. все имамы были из дворянского сословия и находились на содержании своих прихожан [13, с. 271]. Для административного управления на местах создавалась система патроната. Обычно патроном назначался кто-либо из татар, который находился на царской службе в большом чине. В масштабах империи мусульманское вероисповедание находилось в ведении главного правления иностранных вероисповеданий.

Несмотря на то, что часть татар-мусульман западных губерний принимала участие в войне 1812 г. на стороне Наполеона, в восстаниях 1830 и 1863 гг., отношение к ним со стороны правительства было достаточно снисходительным. Указом от 25 июня 1840 г. дворянам-мусульманам этих губерний было разрешено владеть именьями и крепостными крестьянами-христианами, а вот остальным дворянам-нехристианам империи это делать запрещалось.

Несмотря на усиление политики русификации в белорусско-литовских губерниях после подавления восстания 1863 г., царское правительство позволяло мусульманам приобретать землю, занимать разные должности, работать в полиции. Можно отметить, что в некоторых случаях, из-за трезвости мусульман, им даже отдавали предпочтение перед православными при назначении на определенную должность [15, с. 148–149].

Таким образом, есть основание говорить о наличии разветвленной системы бюрократической опеки со стороны российских властей за деятельностью мусульманских общин. Тем не менее, это не мешало татарам сохранить свои этнические и конфессиональные особенности.

Татары-мусульмане Беларуси в XX – начале XXI столетия

Перед Первой мировой войной (1914–1918 гг.) на территории Северо-Западного края России насчитывалось около 14 тыс. татар-мусульман [16, с. 26]. Ислам был единственной опорой и охраной их культуры от ассимиляции, т.е. религия превратилась в национально-культурный идентификатор. Татары-мусульмане, живя по соседству с приверженцами других вероисповеданий, сумели сберечь свою веру, обычаи, культуру. Этому более всего благоприятствовало сохранение мусульманской общины (уммы) и наличие мечети.

Татарская общность белорусских земель в результате исторических процессов (на основании Рижского мирного договора от 18 марта 1921 г. и Акта воссоединения Виленского края с Республикой Польша, принятого Учредительным собранием в Варшаве 22 марта 1922 г.) находилась в составе разных государств: II Речи Посполитой и БССР. В рамках II Речи Посполитой насчитывалось около 6 тысяч татар-мусульман (по данным мусульманского календаря на 1 января 1938 г.) [17, с. 406]. Традиционно татарское население проживало локализованными поселениями (общинами). На территории II Речи Посполитой в декабре 1936 г. действовало 19 религиозных общин: в Вильно, Немеже, Сорокаторах, Довбутишках, Ивье, Видзах, Докшицах, Мяделе, Новогрудке, Ловчицах, Слониме, Некрашунцах, Клецке, Ляховичах, Осмолове, Мире, Багониках, Крушинянах и Варшаве. Наиболее крупными были общины в Новогрудке, где в конце 30-х гг. XX в. жило 766 татар, в Видзах проживало 760 татар, в Ивье (Муровшизне) – 478, в Докшицах – 460, в Слониме – 413 (что составляло 2% от населения города) [18, с. 234; 19, с. 214; 20, с. 250].

Во II Речи Посполитой в межвоенный период (1918–1939) велась большая работа по возрождению культуры татарского народа.

В 1925 г. татары-мусульмане в Вильно создали муфтият (муфтий Я. Шинкевич), провозгласили автокефалию исламских джамиятов (парафий) во II Речи Посполитой. До этого момента духовную жизнь татар Беларуси, Литвы и Польши, как уже отмечалось выше, курировал муфтий Таврической губернии из Симферополя (в Крыму). В 1925 г. был создан и Культурно-просветительский союз татар Речи Посполитой, Центральную раду которого возглавил известный татарский общественный деятель, историк Ольгерд Найман-Мирза Кричинский. Издавался «Татарский ежегодник», журналы «Татарская жизнь», «Исламский обзор», мусульманские календари, учебники для татарских детей. Печатались многочисленные статьи про татар в польских научных и научно-популярных изданиях. Большим событием в жизни татар стало издание «Гербовника татарских семей в Польше», составленного в 1929 г. Станиславом Дедулевицем [21, с. 48–55].

Улучшились условия традиционного образования татар-мусульман. Школы чтения Корана – мектебы находились в каждом татарском селении. В больших общинах школы располагались в отдельных зданиях, где годжий (учитель) проводил занятия по специально разработанной программе. Для получения мусульманского образования на более высоком уровне детей направляли в Югославию, Боснию, где они обучались в

медресе – среднем учебном заведении, которое давало не только религиозное, но и общее среднее образование. А наиболее способные ученики дальше могли обучаться даже в мусульманских высших учебных заведениях в арабских странах [22, с. 56–58].

В 30-е годы XX в. власти Польши пытались возродить традиции самоуправления в мусульманских общинах. 21 мая 1938 г. был принят Устав об обществах мусульманских, в котором говорилось, что во главе мусульманской общины должен стоять имам, защитником и помощником которого является муэдзин. Имам и муэдзин должны избираться на общем собрании членов данной общины [15, с. 23–25]. Проповедник исламского права, имам (вождь), кроме религиозных обязанностей, руководил и ходом мирских дел. По традиции татар Беларуси имамом мог быть избран тот, кто чтит обычаи, знал заповеди Корана, отличался умом. Однако этот титул употреблялся преимущественно как официальный. В быту обычно татарского духовника называли «мулла» (хозяин, защитник).

Надо отметить, что ежегодно на поддержку татар-мусульман (оплата работы имамов, ремонт и строительство мечетей) польское государство выделяло соответствующие средства. В 1927 г. эта сумма составляла 63 тысячи злотых, в 1929 г. – 65 тыс., а с 1931 г. – 57 тыс. [23, с. 150]. Благодаря этим средствам, а также некоторым зарубежным источникам финансирования, были отстроены разрушенные или сожженные в военных вихрях начала XX в. мечети в Клецке, Некрашунцах, Мяделе. В 1928 г. начала действовать мечеть в Ляховичах, в 1934 г. – в Видзах. Была перестроена и отремонтирована мечеть в Ивье. Там же в 1920-х гг. был достроен минарет и огражден мизар (кладбище). В 1928 г. мечеть XVIII в. в Довбутишках была признана исторической ценностью и взята под опеку государства. В целом, на территории II Речи Посполитой действовало 17 мечетей и 3 молитвенных дома (богослужения проводили 19 муллов, 23 муэдзина – заместители муллов) [17, с. 418–419; 20, с. 248].

Положение же татарской национального меньшинства на территории БССР было достаточно сложным и противоречивым. Следует отметить, что согласно переписи 1939 г. количество татарского населения в БССР на 17 января 1939 составляло 3731 человек. Исторически сложилось так, что региональная локализация татар была ограничена территорией Минской области [24, с. 70–71]. Здесь поселения (общины) татар в основном были сосредоточены в г. Минске, Копыле, в м. Смиловичи и в Узде, где определенное время действовали мечети [25, с. 245].

Формирование и развитие национальных особенностей противоречили политике советской власти, направленной на создание новой единой общности людей – советского народа. Поэтому развитие национальных культур в БССР прошло путь от определенной лояльности к нации в 1920-е гг. до враждебности к ней со стороны руководителей государства в 30-е гг. XX в., когда уничтожались многие проявления национальной активности в культурной и общественно-политической жизни. Безусловно, все эти тенденции ощутили на себе и представители татарско-мусульманского населения.

Что касается религиозной политики советской власти, то она была направлена против существования различных конфессий, в том числе и мусульманской. Антирелигиозная пропаганда на «сталинском языке» означала уничтожение мечетей и муллов. В 1936 г. мечеть в Минске была закрыта и передана под склад продовольственных товаров. Годом ранее были уничтожены мечети в Смилевичах и Копыле, сожжена мечеть в Узде. Преследовались муллы и муэдзины. Пострадали от репрессий не только религиозные деятели. В целом, по данным председателя Комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь В.И. Адамушко, выявленным автором на основании обработки 40 300 карточек персонального учета на жителей Минска, Минской и Витебской областей, которые были репрессированы судебными и несудебными органами в 20–50-е гг. XX в. и реабилитированы в 1955–1994 гг., 49 человек были татарами (0,12% от всего количества репрессированных). Но В.И. Адамушко сообщает, что изученные им 40 300 людских судеб составляют лишь 6,5% от оценочной цифры всех жертв репрессий 20–50-х гг. XX в. в Беларуси. Потерпели от репрессий со стороны советской власти и татары-мусульмане Западной Беларуси после воссоединения в 1939 г. Так, общее число репрессированных татар данного региона за 1939–1941 гг. составляет около 1% от татарской диаспоры Западной Беларуси и около 0,03% от всех репрессированных (около 160 тысяч человек) из западных областей Беларуси за означенный период [26, с. 32–32].

Несбалансированность конфессиональной политики советского государства стала для татарского меньшинства особенно чувствительной, так как приверженность к исламу является для татар очень ценным консолидирующим фактором, который они стремились сохранить на протяжении веков. Однако надо отметить, что при всех указанных обстоятельствах татары все же окончательно не потеряли свои национальные и конфессиональные особенности. Это стало возможным в результате прочных корней их этнической самобытности, несмотря на определенную аккультурацию с местным белорусским населением.

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) белорусские татары вместе с представителями других народов вели борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. На оккупированной территории БССР они боролись с врагом в качестве партизан, иногда даже целыми семьями. Белорусские татары участвовали в антифашистской борьбе в составе 64 партизанских формирований (32 партизанских отряда, 29 партизанских бригад, 2 отдельных отряда и 1 партизанский полк). Командирских должностей они, за редким исключением, не занимали. По данным автора, не менее 17% из числа татар-партизан получили правительственные награды за вклад в общую победу над врагом [27, с. 35–36].

Противостояли захватчикам белорусские татары и в подпольном движении. Большинство из них было представлено в минском подполье, а именно в подпольной группе на кожевенном заводе «Большевик», в группе в составе татарской семьи Адамовичей, а также в таких разведывательно-диверсионных группах, как «Метители», «Первые». Боролись местные татары в составе узденского и брестского подполья. Есть примеры участия копыльских татар в подпольном движении. Как и абсолютное большинство белорусов, их соотечественники –

татары также отрицательно относились к карательным акциям фашистов в отношении еврейского населения и не раз приходили ему на помощь, спасая от уничтожения. Некоторым Израильский Мемориальный музей памяти жертв и героев Катастрофы европейского еврейства «Яд-Вашем» (Иерусалим) даже присвоил звание «Праведников народов мира» [28, с. 21–28]. Белорусские татары вели борьбу с врагом в составе различных военных формирований на фронтах войны. Большинство из них боролось с фашистскими захватчиками в рядах Красной Армии. Мобилизованные в основном в 1944 году, белорусские татары воевали, верные воинской присяге, за что были отмечены правительственными наградами. Были представлены местные татары и в 13-м полку виленских уланов в составе Польской армии, затем в армии В. Андерса, 1-й польской дивизии имени Т. Костюшко, которая положила основу 1-й Польской армии. Единицы из числа белорусских татар занимали командирские должности, остальные были рядовыми солдатами (преимущественно из-за отсутствия необходимого военного образования) [29, с. 59–63].

Стоит отметить, что политика оккупационных властей по отношению к местному татарско-мусульманскому населению (в своем большинстве оказавшемся в Генеральном округе Беларусь) имела поэтапный характер и в значительной степени была связана с событиями на фронтах войны. Можно также констатировать, что германские власти относились лояльно к религиозным традициям местных мусульман (действовали мечети, мусульманские школы, для татар определялись выходные дни во время их религиозных праздников). Однако в общем, можно заметить, что особой исключительности в их положении не было, так как татарское население также подвергалось репрессивным акциям: их принудительно вывозили на работу в Германию, жестоко наказывали за связь с партизанами и подпольщиками [30, с. 100–105].

В послевоенный период, за годы советской власти, мусульманская культура татар Беларуси, сберегаемая на протяжении многих столетий, пришла в упадок. Закрывались, разрушались религиозные центры татар-мусульман – мечети, забывались традиции. Из 19 мечетей, которые действовали на территории Беларуси перед Второй мировой войной, осталась только одна – в г. Ивье Гродненской области. Последней, уже в 1960-х годах, была уничтожена минская мечеть – единственная каменная мечеть в Беларуси. Она находилась в Татарском конце города на месте прежней деревянной мечети (XVI в.) [14, с. 22].

Примерно в это же время были уничтожены мизары (татарские кладбища). Надгробные памятники в ряде районов республики забирали на строительство дорог, под фундаменты колхозных животноводческих ферм. Исчезли и такие минские улицы, как Малая татарская и Большая татарская – их переименовали в Дмитрова и Колхозную [31, с. 19].

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что политика «советизации» и тоталитарные методы управления в СССР привели к упадку татарского меньшинства в Беларуси, поставили его на грань исчезновения. За послевоенные годы резко сократилось татарское население в местах их прежнего компактного проживания. Например, в г.п. Видзы Браславского района Витебской области в

1938 г. проживало 760 татар, то за послевоенные годы их количество сократилось до 50 человек, в г. Слониме было 413 человек, стало только 96, в г. Новогрудке – соответственно 766 и 316. В деревне Давбучки Сморгонского района количество татарского населения сократилось с 408 до 1 человека [32, с. 51].

Но, несмотря на упадок мусульманской культуры за годы советской власти, с конца 1980-х гг. белорусские татары смогли начать возрождение своих национальных традиций. Местные татары-мусульмане усилили активную деятельность на территории Беларуси как в религиозной, так и культурной сферах.

По переписи населения в Республике Беларусь на 2009 год проживало 7316 татар. Наиболее крупные общины татар размещены в Минске (1547 человек) и Минской области (1239 человек). Зарегистрированы также общины в Гродненской (1710 человек), Витебской (822 человека), Гомельской (776 человек), Брестской (725 человек), Могилевской (497 человек) областях. 1255 представителей татарской национальности проживают в сельской местности и 6061 в городах [33, с. 3–10]. На сегодняшний день у белорусских мусульман действует 7 мечетей: в Минске, Ивье, Новогрудке, Слониме, Смиловичах, Ловчицах, Видзах [34, с. 165]. А так же 4 молитвенных дома: в Ивье (возле татарского кладбища), Ошмянах, Молодечно, Клецке и двухкомнатное помещение для собраний и пятничных молитв в Бресте [35, с. 3].

В Республике Беларусь действуют две религиозные организации, зарегистрированные Уполномоченным по делам религий и национальностей.

В 1994 г. был создан самостоятельный Муфтият Республики Беларусь. Первым муфтием был избран Исмаил Александрович. 6 ноября 2005 г. муфтием Мусульманского религиозного объединения в Республике Беларусь стал председатель республиканского общественного объединения татар «Зикр уль-Китаб» Абу-Бекир Шабанович (переизбран на должность муфтия в 2010 г.).

В октябре 2002 г. было зарегистрировано еще одно Республиканское религиозное объединение: «Духовное управление мусульман в Республике Беларусь» (председатель Воронович Али Исмаилович, избранный на эту должность после смерти Вороновича Исмаила Мухарремовича в 2011 г.). Объединение старается поддерживать тесные контакты со своими единоверцами из России и других стран СНГ.

Автономно функционирует мусульманская община г. Гродно.

Религия в жизни белорусских татар

Белорусские татары издавна проживают на наших землях, и разумеется процесс аккультурации не мог миновать их. Однако, пожалуй, самым существенным, что выделяет их и одновременно объединяет, является их религия, которую белорусские татары, несмотря ни на что, смогли сохранить на протяжении веков. Именно ислам стал основным фактором их этнического самоопределения и основным препятствием на пути возможной ассимиляции.

Местные татары исповедуют ислам суннитского толка. Суна – с арабского «обычай, пример» – это действия самого пророка Мухаммеда или те дела, которые он одобрял, к которым призывал. Это слово является синонимом термина

«хадис» – предание, легенда о Мухаммеде [15, с. 157]. Сунниты (сокращение от Ахл ас-суна ва-л-джамаа – народ сунны и общины) – название большей части всех мусульман. Они считают законными наследниками пророка четырех халифов и поэтому признают только те предания, которые были составлены про Мухаммеда при них. Учение суннитов имеет четыре направления: маликитский, ханафитский, ханбалитский, шафиитский. Белорусские татары придерживаются суннитского учения Абу-Ханифа. Сунниты признают святость Корана и Сунны, которая к IX в. была окончательно оформлена в шести книгах последователями Мухаммеда и является своеобразным комментарием к Корану [36, с. 142].

Заповеди Корана требуют веры в Аллаха и его пророка Мухаммеда, совершения молитвы пять раз в день, соблюдения поста в священный для мусульман месяц Рамазан, обязательного пожертвования в пользу обездоленных, паломничество к Каабе в Мекку (хадж).

Надо отметить, что у белорусских татар сложились некоторые своеобразия религиозного культа, в отличие от классического канонического ислама.

Благодаря социологическому исследованию, которое было проведено в начале 90-х гг. XX в. среди татар Ивья и Новогрудка (Гродненская область), подтвердилось мнение, что ислам белорусских татар отличается посредственным уровнем религиозного сознания, который тесно связан с семейно-бытовыми традициями, национальными обычаями, жизненным опытом человека. Но такая размытость идейного содержания компенсируется более значительным эмоциональным началом [37, с. 222].

Акт поклонения, *саяят*, что означает совершение молитвы пять раз в день в соответствующие отрезки времени (рассвет, полдень, послеполуденное время, вечер, ночь), необходим для напоминания мусульманину о его обязанностях, об отношении к Аллаху во время ежедневных забот. Что касается белорусских татар, то нужно отметить, что саяят в своем большинстве они не выполняют. Это делают только единицы, которые считаются чрезвычайно религиозными.

Говоря о *закяте* (буквально с арабского «очищение»), налоге в пользу обездоленных мусульман, который составляет приблизительно 2,5% прибыли и делает безгрешным пользование богатством, то в таком виде у белорусских татар он не сохранился. Однако близкий ему обычай милосердия *садага* пользуется большим уважением и почетом. В качестве садаги могут быть специально приготовленные сладости (например, гальма – «татарские конфеты»), для приготовления которых необходимо равное количество муки, масла, меда), купленные конфеты, печенье, фрукты, которые татары-мусульмане приносят в мечеть на намаз (богослужение) и над которыми читают специальные молитвы, вспоминая при этом своих умерших предков, или молятся за здоровье и благополучие живых. Торжественная раздача садаги является значительной частью религиозного ритуала, которая обычно происходит в конце намаза.

К сожалению, на современном этапе осуществление паломничества к святым местам в Мекку для местных татар – слишком дорогая вещь. Ранее также это могли сделать только самые состоятельные татары. По сведениям С. Кричинского, в 1557–1558 гг. три татарина из Беларуси и Литвы совершили *хадж*

[15, с. 157]. Через Черное море, Румею (бывшую Византию) они попали в Стамбул. Здесь их с почетом встретили турки, пригласили в свои дома, в мечети, представили султану, который щедро одарил паломников и предложил продолжать путь в его караване. В XIX в. русские подданные магометанского вероисповедания также выезжали за пределы государства, в основном на богослужение в Мекку и Медину [38, л. 9–10].

Первоначальным долгом паломника является посещение Каабы, это Кибла для всех мусульман (то есть направление, в котором они совершают свои молитвы). Кааба – это главная святыня ислама. Этот священный Дом мусульман представляет собой каменный четырехугольник, расположенный внутри мечети аль-Масжид аль Харам. В углу между южной и восточной стенами Каабы находится черный камень – главный предмет поклонения в ней, поцеловать или прикоснуться к которому стремится каждый паломник. Внутри Кааба облицована цветным мрамором. Сверху ее покрывают черной тканью с вышитыми золотом выдержками из Корана. Вход завешивают атласным покрывалом [39, с. 4].

Первым паломническим обрядом является *тауаф*, во время которого мусульманин семь раз обходит вокруг Каабы, читая молитвы. Далее совершаются такие обряды, как *са'и* («быстрое перемещение»). Кульминацией считается осуществление молитвы на Арафате (широкая равнина недалеко от Мекки) с полудня до заката 9-го дня месяца зу-ль-хиджа. Следующее место назначения паломников – долина Муздалифа, где они вместе молятся на закате солнца и читают ночную молитву. Затем они направляются в деревню Мина, где забрасывают собранными камнями три столба, воплощающих собой сатану, который искушал Ибрагима (Авраама) не повиноваться Аллаху, когда тот собирался принести своего сына в жертву Богу. Многие паломники в это время режут жертвенных животных. Таким образом, после трехдневного пребывания в Мине хадж завершается [40, с. 77].

Нельзя сказать, что белорусские татары безразлично относятся к хаджу как акту поклонения Аллаху. Некоторые, поставив себе цель получить титул хаджи, активно к этому стремятся. Надо отметить, что хадж совершается во время праздника Курбан-Байрам, о котором будет сказано ниже.

Мусульманское летоисчисление ведется от 15 июля 622 г. н. э., когда основатель ислама пророк Мухаммед со своими ближайшими последователями (мухаджирами), по преданию, переселился из Мекки в Медину [15, с. 159]. Это переселение (*хиджра*) и положило начало мусульманскому летосчислению. Как известно, мусульмане пользуются лунным календарем, он на 11 дней короче солнечного, поэтому одни и те же мусульманские праздники каждый год празднуются на 11 дней раньше, чем в прошлом. Праздники носят татарские и арабские наименования (бытуют преимущественно татарские).

Самым значительным праздником у мусульман является *Курбан-Байрам*, праздник жертвоприношения (по-арабски Ид аль-Адха), который празднуется 3–4 дня. Начинается он 10-го числа зу-ль-хиджа месяца, когда близится к завершению хадж. Подготовка к празднику начинается заранее. Уже за 20 дней не разрешается устраивать застолья, веселиться, надевать новую одежду, стричься

и т.д. Но, как правило, активно готовиться к празднику начинают за неделю. Набожные мусульмане начинают поститься за 10 дней, а все остальные – за день до наступления Курбан-Байрама.

На праздник Курбан-Байрам в татарской мечети происходит торжественное богослужение, читаются проповеди, после чего местные мусульмане приносят жертву Аллаху в виде таких животных (курбанов), как быки, бараны, козы, петухи (последние же, надо отметить, не являются в исламе жертвенными животными). Курбана режут в память о том, как Ибрагим был готов пожертвовать Аллаху своего сына Исмаила, но Аллах послал ангела, и тот принес Ибрагиму для жертвы барана, чем спас жизнь Исмаила. Верующие мусульмане стремятся пожертвовать курбана, ведь, согласно исламу, тот, кто не сделает этого, не сможет перейти по тонкому, как волос мосту над пропастью. Этот мост можно преодолеть на спине курбана, когда-то отданного в жертву [15, с. 160]. Количество пожертвованных общиной курбанов может быть разным. Обычно режут во время праздника около 7 животных. По исламской традиции мясо жертвенного животного должно быть разделено на 3 равные части. Одна из них принадлежит хозяину животного, его семье, вторая раздается друзьям, соседям, а третья – бедным, нищим. Однако по местной традиции мясо курбана разделяется на одинаковые части в зависимости от количества домов в общине. Таким образом, каждая семья после жертвоприношения получает определенное количество мяса для приготовления праздничного обеда.

Вторым большим мусульманским праздником является *Ураза-Байрам или Рамадан-Байрам* (по-арабски Ид аль-Фитр). Он приходится на первый день месяца шавваль и отмечается три дня. Это праздник окончания поста (*саум*), который татары-мусульмане выдерживают весь предыдущий месяц рамазан. Месяц этот является священным, поскольку «месяц рамадан есть месяц, в котором Коран был дан... Поэтому каждый, кто будет в этом месяце дома, должен поститься весь месяц» (Коран, сура «Аль-Бакара», аят 185) [41, с. 25].

Большое значение татары придают последним трем ночам перед окончанием поста. Особенно святой считается *Кадр-ночь, ночь Предопределения*, когда, по мусульманскому преданию, Мухаммед получил откровение пяти первых стихов 97 суры Корана. Принято считать, что ночь Предопределения выпадает на 27 день месяца рамадана. Кадр-ночь проводится в мечети, верующие читают Коран и передают в молитвах свои просьбы Аллаху и ангелам [42, с. 103–107].

Праздник *Мевлюд* (по-арабски Мевлид ан-наби) посвящен рождению пророка Мухаммеда. Он отмечается в 12-й день месяца раби аль-авваль. В этот день в мечетях происходят специальные богослужения, в домах устраиваются застолья. Этот праздник предоставляет всем мусульманам возможность выразить свою любовь и уважение к пророку.

Торжественное празднование дня рождения пророка Мухаммеда – это также особенность культуры белорусских мусульман, так как в классическом исламе не принято праздновать дни рождения. На Востоке день рождения вообще не считается особым праздником. В данном случае очевидно влияние христианской культуры Беларуси на белорусских мусульман и особое почитание в ка-

толических ВКЛ и Польше праздника Рождества Христова. Таким образом, можно заметить, что белорусские мусульмане уделяют большое внимание своим главным праздникам, торжественно отмечают их и придают им особый духовный смысл.

Так же стоит отметить, что праздничным днем у мусульман считается пятница (джума). Согласно преданиям, именно в пятницу родились пророк Мухаммед и его зять Али, «и свет ислама стал расширяться именно в пятницу» [43, с. 203]. В этот день татары физически не работают, считают его днем отдыха. Они посещают мечеть, где под руководством имама совершают намаз. В пятницу в небольших поселках проводятся занятия в мусульманских школах.

Таким образом, очевидно, что белорусские татары с уважением относятся к своей религии, чтят память предков, стремятся к совершению религиозных культов, хотя и с определенными особенностями, которые сложились у них в отличие от классического ислама.

Культурные особенности белорусских татар-мусульман

Довольно своеобразный и интересный пласт этнической культуры белорусских татар составляют их традиции. Некоторые из них представляют собой оригинальное сочетание элементов белорусской народной обрядности с элементами мусульманского религиозного ритуала и частично старинными татарскими обычаями, которые еще сохранились до сегодняшнего дня.

Азан

У местных мусульман после рождения ребенка главным делом в отношении его является обряд «присвоения имени» – *азан* (от араб. глагола «азина» – извещать, объявлять), который зачастую по местной традиции называется, по аналогии с христианством, крещением, крестинами (хрэсьбінамі). Стоит отметить, что в классическом исламе термин «азан» – это призыв муэдзина к молитве с минарета. А основной обряд, связанный с рождением ребенка – это «акика», обряд жертвоприношения, при котором новорожденному стригут голову и раздают нищим милостыню. Обряд «присвоения имени» считается у мусульман других стран менее важным, он даже не имеет отдельного названия. Белорусские же татары-мусульмане не совершают «акику» (это связано с отсутствием раздачи милостыни), а, перенося название одной из произносимых молитв «азан» на обряд «присвоения имени», считают очень важным его, так как после азана переход в другую религию – большой грех. Это особенность белорусских мусульман, которая больше нигде не встречается [44, с. 321].

Считается, что азан необходимо совершить как можно быстрее, не позднее десяти дней после рождения ребенка. С периодом его младенчества связано много предрассудков. Например, что до азана ребенка даже нельзя выносить во двор, это касается и его одежды. Нельзя обрезать младенцу ногти до года, а также качать пустую колыбель. Ребенку не показывают зеркало, над ним не переносят предметы.

Азан обычно совершается в пятницу. Если родилась двойня, то детей азанят в разные дни.

За несколько дней до проведения обряда отец ребёнка с хлебом и солью обходит соседей и родственников, приглашая их в назначенный день на торжество.

Обряд присвоения новорожденному имени (азан) проводится муллой в присутствии двух свидетелей и приглашенных гостей в соответствии с заповедями Корана. Обряд проходит в послеобеденное время в доме родителей ребенка. Родственница или близкая подруга роженицы выносит на подушке выкупанного младенца и кладет его головой в сторону Мекки на стол, на котором лежит Коран, хлеб, соль, горят две свечи и стоят мед и вода. Мулла читает молитву и называет выбранное для младенца имя. Затем, взяв ребёнка за указательный палец правой руки, семь раз повторяет «шахаду» (свидетельство) и опять читает молитву. Закончив ее, берет новорожденного за правое ушко пальцами правой руки, читает молитву «азан» и говорит «камет» (заклинание), согласно которому ребенок обязан сохранять своё имя до судного дня. Наконец, держа новорожденного за левое ушко, мулла специальной молитвой завершает обряд [45, с. 287].

После окончания всей процедуры родители дарят мулле подарок (обычно это платок) и приглашают всех за праздничный стол. Все радуются, что дитя после азана уже находится под опекой Аллаха, вместе со всеми верующими-мусульманами.

Поскольку обряд совершается муллой по исламским законам, то и имена у белорусских татар мусульманские, в отличие от фамилий, которые у многих приобрели белорусское звучание.

Мусульманский обряд обрезания – суннет (от арабского «суннат») рассматривается как приобщение ребёнка к исламу. В прошлом он проводился в каждой татарской семье. В Ивье и Новогрудке были специальные люди – суннеджи, которые делали обрезание. В Слониме для этой цели приглашали еврей-ритуалиста [44, с. 322]. Это яркая особенность белорусской толерантности и поликонфессиональности.

В отличие от мусульманских стран, где этот обряд проводится над ребёнком в 6–7-летнем (иногда 10-летнем) возрасте очень торжественно, с приглашением многочисленных гостей, в Беларуси суннет проводили в раннем младенческом возрасте и отмечали только в кругу близких родственников и друзей.

После Второй мировой войны в городах обрезание делали врачи в больницах. В настоящее время этот обряд почти не проводится. Однако в Ивье и Новогрудке – традиционных центрах татарской культуры в Беларуси – он практикуется и сегодня, но не афишируется [46, с. 136].

Свадебный обряд

Традиционный обряд бракосочетания – «завадаж» (по-арабски) или «никах» (по-татарски) – у мусульман совершается не в мечети, а на дому. По многим элементам он близок к дохристианскому белорусскому свадебному обряду. В день венчания жених приглашает в свой дом для угощения муллу и близких родственников. Там мулла читает молитву, обводит жениха с гостями три раза вокруг дома и все отправляются к невесте. У порога их встречает с хлебом и солью одна из ближайших родственниц невесты и ведёт в комнату, где стоит накрытый белой скатертью стол с двумя зажжёнными свечами, водой, хлебом и

солью. Мулла и два свидетеля-мужчины садятся за стол. Друга жениха обводит молодых три раза вокруг стола. Потом брачующиеся, держась за руки, становятся перед муллой и свидетелями на ковер или козух, вывернутый шерстью наружу. При этом необходимо, чтобы молодые были повернуты лицом на юго-восток, в сторону Мекки. Мулла, произнося специальные молитвы для этого случая, просит «загаремить невесту» (закрыть лицо фатой) [46, с. 134]. После окончания молитвы, в заключении обряда мулла надевает молодым обручальные кольца и поздравляет со вступлением в брак. Затем присоединяются к этому родители, родственники, друзья.

У татар ивьевской общины при поздравлении существует такой обычай: молодые должны положить в руку новый носовой платок, это же касается и гостей. Считается, что такое рукопожатие (не пустыми руками) будет способствовать благополучию молодоженов, и семья будет жить в достатке.

После венчания новобрачные отправляются в дом жениха. По дороге соседи преграждают им путь жердью, бревном, ведром воды, а молодые «откупаются» конфетами, деньгами, платками. У дома жениха их опять встречают хлебом и солью, обсыпают зернами ржи с пожеланием богатства и счастья (белорусский обычай). Свадьба закачивается богатым застольем и танцами. Надо заметить, что у белорусских татар разных общин могут встречаться особенности во время проведения свадебного обряда [47, с. 159–163].

Ранее бракосочетания у татар совершались по договорённости родителей жениха и невесты, однако насильно не женили и не выдавали замуж. Всегда спрашивали согласия. По шариату (мусульманскому праву), как мужчина, так и женщина имеют право на развод. Стоило мужчине в присутствии муллы сказать: «Я не хочу с тобой жить», и супруги считались разведенными [48, с. 196]. Однако для развода необходимы были веские причины (такие, как бесплодие, измена). На основании шариата, женщина, с которой развелся муж, имеет право вторично выйти замуж. Причем ей дается три месяца, чтобы убедиться в том, что она не беременна от оставившего ее мужа. По мусульманскому праву, если развода требует муж, то он платит жене двойную стоимость свадебного калыма, если жена – она его теряет. У белорусских мусульман, по воспоминаниям старых людей, существовали более строгие требования к мужчине, который оставял жену. В Ошмянах, например, при разводе мужчина должен был заплатить жене калым (отступные), обеспечить жильем и пожизненно содержать ее, если она не выйдет замуж вторично.

У татар ошмянской общины за невесту жених и его родители и в настоящее время дают калым, размер которого напрямую зависит от состоятельности жениха. Часто он бывает чисто символическим. Однако его содержание в корне изменилось. Это не покупка невесты в традиционном смысле. В Ошмянах калым платится не родителям невесты, а непосредственно невесте как свадебный подарок со стороны жениха [45, с. 288].

Смешанные браки не приветствуются религиозными установлениями ислама, поэтому, несмотря на столь длительное проживание в чужеродном этническом окружении, белорусские татары сохранили в своем большинстве отчетливые черты монголоидной расы: раскосый разрез глаз, скуластость, черный цвет волос.

С целью создания для молодёжи более широких возможностей для вступления в мононациональный брак, татары проводили «балы». Родители совместно организовывали угощения из чая и сладостей. Девушки и юноши знакомились, танцевали, развлекались. Особенно славились татарские балы в Слониме и Ивье (проводились регулярно на второй или третий день мусульманских праздников), куда съезжалась молодёжь из других городов и поселков. Нередко такие встречи приводили к свадьбе.

Несмотря на то, что Коран категорически не запрещает браки мужчин-мусульман с женщинами немусульманского вероисповедания, все же такие союзы осуждались белорусским татариним-муллою и общественным мнением. Эндогамные браки одобряет большинство мусульман среднего и старшего возраста и в настоящее время. Молодежь при этом руководствуется собственными чувствами, но многие придерживаются мнения, что необходимо получение родительского согласия [45, с. 292].

У белорусских татар никогда не существовало многоженства. Традиция моногамии была заложена еще великим князем Витовтом, который, во избежание конфликтов с христианским населением, велел переселявшимся на земли его княжества татарам иметь только одну жену [46, с. 136].

Источники этики семейных отношений татар заложены в исповедуемой ими религии, потому что ислам нормирует поведение верующих во всех сферах жизнедеятельности. Коран предписывает оказывать уважение родителям и родственникам, быть добрыми к сиротам и бедным, а также находящимся на попечении родственникам.

Обряд погребения

Похоронный обряд белорусских татар-мусульман наряду с самобытными чертами включает некоторые христианские элементы и следы язычества. По просьбе родственников умирающего мусульманина перед смертью навещает мулла и читает ему специальные молитвы – иманы (от арабского «иман» – вера, вероисповедание). После смерти покойнику (мейиту) родные закрывают глаза и кладут тело на покрытое простыней сено. Затем усопшего обмывают при чтении молитв. Существуют точный порядок совершения обмывания и четкие указания, кто (не) должен этого делать. Покойного одевают в «рубашу» до колен, сделанную из перегнутой вдвое белой несшитой ткани, в которой в месте перегиба вырезана дыра для продевания головы. После этого заворачивают тело покойного в новое белое полотно – «саван», длиной 20–25 метров.

Под полотно, вдоль тела мейита, кладут свиток молитв – Делавар (от турецкого «дуалар» – молитва, молитвенник), который должен быть написан для каждого. Занимаются этим отдельные люди. Раньше готовили чернила для написания молитв из шафрана. Сейчас знающих в этом деле становится все меньше, и молитвы в основном пишутся обычными чернилами. Некоторые, особенно люди в преклонном возрасте, еще при жизни сами заботятся о том, чтобы Делавар для них был уже подготовлен.

Во время всех необходимых процедур в отношении покойного в доме во главе с муллою находятся люди, которых приглашают для чтения молитв в

таких случаях (20–30 человек). Чем более богатая семья, тем больше людей приглашают. Как правило, молятся мужчины. Делают они это не в один голос, а каждый по отдельности, таким образом, в комнатах создается своеобразный гул. В мечеть мейита не несут.

Завернутого в саван покойника размещают на низкой деревянной скамейке, накрывают зеленым шерстяным покрывалом. На грудь поверх сукна кладут Коран или Хамаил (молитвенник). И после всех выполненных процедур доставляют на кладбище (мизар) [49, с. 211–214].

Выкопанную на мизаре могилу, по поверью, нельзя оставлять без присмотра, пока не захоронят мейита. На кладбище усопшего несут быстрым шагом, иногда даже бегом. На мизаре могилы размещены в западном направлении, т.е. хоронят мусульманина головой на запад, поворачивая его при этом лицом к Мекке (на юг). В могилу тело опускают на трех полотенцах. Под голову кладут три камня («перину», «подушку»): один посередине и два с обеих сторон головы [45, с. 290]. В некоторых общинах камни размещают другим образом: под голову, посередине туловища и под ноги. Затем под наклоном ставят в могиле доски, плотно соединяя, чтобы не попадала земля. Потом присутствующие на похоронах семь раз бросают горсть земли в могилу, после чего ее засыпают. Мулла остается один и читает молитвы, положив правую руку на могилу.

После похорон родные устраивают поминальный стол без спиртного. То, что на нем останется после траурной трапезы, не убирают до следующего утра. Обычно в доме, где умер человек, на столе лежат хлеб и соль, стоит стакан с водой (заимствовано у православных славян, но с идентификационным отличием – не водка, а вода!) и горит настольная лампа, которая не выключается 40 дней.

В Беларуси женщины-мусульманки в отличие от мусульманских стран принимают участие в похоронах, навещают кладбища. Но при этом в самой процессии, идущей на мизар, они не участвуют, так же как и в погребении. Обычно женщины остаются дома, готовят еду для вечера (поминок) и т.д.

Еще одна особенность – плача на мусульманском погребении нет. Считается, что после смерти умершего ждет лучшая жизнь, поэтому скорбеть о нем – грех.

Обычай собираться и поминать умершего на третий или четвертый день после его кончины, а также отмечать годовщины смерти называется «равда». Это является местной народной традицией, в Коране или Сунне о нем упоминаний нет. Траур по мужу или жене длится четыре месяца и десять дней, траур по другим умершим – три дня и три ночи [50, с. 40].

Так же поминки справляют через 40 дней. После погребения на протяжении этих дней каждое утро родные ходят на мизар, где над могилой усопшего молятся за него. Однако нужно отметить, что, посещая мизар в любом случае (а татары это делают обычно по крайней мере каждую пятницу), сначала необходимо, читая молитвы, три раза обойти слева направо по кругу все могилы, обязательно оставляя могилы по правую руку. И только тогда, таким образом помолвившись за всех похороненных здесь, можно направляться к отдельной могиле.

Кстати, детей, которых не успели поазанить, и лиц, которые покончили жизнь самоубийством, раньше хоронили за чертой мизара, и за них, обходя могилы три раза, не молились. Но сейчас их хоронят вместе со всеми.

Также необходимо упомянуть давнюю традицию белорусских мусульман съезжаться весной и летом на мизар. Это является особенностью белорусских мусульман, не предписанной исламской религией. Здесь можно провести аналогию с обычаями белорусских христиан: «деды», «радовница». Во время таких съездов мусульмане читают молитвы об упокоении душ родственников и всех погребенных, приводят в порядок могилы, обкладывают их дерном, камнями, угощаются садагой.

Что касается памятника на могиле, то он состоит из двух плит. Одна из них, пониже, ставится с восточной стороны (в ногах у похороненного) для обозначения размеров могилы, более высокая возводится напротив (там, где его голова). На восточной стороне большей плиты размещается надпись на арабском и белорусском (или русском) языках с обязательным упоминанием имени матери похороненного. Это делается в связи с тем, что во время молитвы за покойного всегда нужно молиться и за его мать. Могила на ивьевском мизаре, например, ничем не ограждается. Этим подчеркивается, что все равны, и никто не должен выделяться [49, с. 211–212].

Таким образом, можно сделать вывод, что у белорусских татар-мусульман сложился и существует по сей день богатый комплекс семейных обрядов, ритуалов и обычаев, связанных с такими важными событиями в жизни человека, как рождение ребенка, свадьба, погребение и т.д. Этот пласт их этнической культуры в своем формировании за более чем шестисотлетнее проживание татар на белорусских землях прошел процесс аккультурации, он представляет собой сочетание белорусских, мусульманских и татарских традиций.

Список цитированных источников

1. Tyszkiewicz, J. *Tatarzy na Litwie I w Polsce* / J. Tyszkiewicz. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. – 343 s.
2. Акты о литовских татарах (1521–1784) / Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов (АВАК), 1865–1915: в 39 т. – Вильно, 1906. – Т.31. – 586 с.
3. Мухлинский, А. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар (1857) – Минск: Адраджэне, 1993. – 72 с.
4. Думін, С. Вялікае княства Літоўскае і Залатая Арда // Татары-мусульмане на землях Беларусі, Літвы і Польшчы: матэрыялы I Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. да 600-годдзя татарскага асідніцтва на землях Беларусі-Літоўскай дзяржавы, распачатага пры Вітаўце Вялікім, Мінск, 26–27 сак. 1993 г.: у 3 ч. / Беларус. дзярж. пед. ун-т; рэдкал.: І. Александровіч [і інш.]. – Мінск, 1994. – Ч. 1. – С. 25–28.
5. Палуцкая, С. Татарская эміграцыя ў ВКЛ, Рускім і Жамойцкім і стаўленні Вітаўта ў Залатой Ардзе // Татары-мусульмане на землях Беларусі, Літвы і Польшчы: матэрыялы I Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. да 600-годдзя татарскага асідніцтва на землях Беларусі-Літоўскай дзяржавы, распачатага пры Вітаўце Вялікім, Мінск, 26–27 сак. 1993 г.: у 3 ч. / Беларус. дзярж. пед. ун-т; рэдкал.: І. Александровіч [і інш.]. – Мн., 1994. – Ч. 1. – С. 74–77.
6. Канапашкі, И. Татары Беларусі, Літвы і Польшчы: історыя і культура // Ісламская культура тагараў-мусульман Беларусі, Літвы і Польшчы і яе ўзаемадзеянне з беларускай і іншымі культурамі: матэрыялы II Міжнар. навук.-практ. канф. – Мінск, 1996. – Ч. 1. – С. 32–34.
7. Канапашкі, І. Гісторыя і культура беларускіх татар / І. Канапашкі, А. Смолік. – Мінск, 2000. – 258 с.
8. Гембіцкі, Я. Да пытання аб сацыяльна-эканамічным стане беларускіх татар у сярэднявеччы / Я. Гембіцкі // Зап. аддз. гуман. навук БАН. – Мінск, 1929. – С. 7–18.

9. Евтуховский, В.С. Мусульмане в современной Беларуси // Посткоммунистическая Беларусь в процессе религиозных трансформаций: сб. науч. ст. / Адукацыя і выхаванне; под науч. ред. А.В. Данилова. – Минск, 2002. – С. 42–52.
10. Ислам і мусульмане Беларусі ў XX ст. / Пад рэд. І. Канапацкага [і інш.]. – Мн., 2002. – 156 с.
11. Беларусь на мяжы тысячагоддзяў. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2000. – 432 с.
12. Наш родовад: сб. науч. тр. – Гродно, 1992. – 243 с.
13. Канапацкі, І.Б. Ислам у Беларусі // Вопросы свободы совести и религиозных организаций в Республике Беларусь: сб. документов и материалов / сост. М.В. Цвилик; под ред. В.И. Новицкого. – Минск: Издательство «Четыре четверти», 2005. – С. 267–279.
14. Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.) // Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. – Казань: Институт истории АН РТ, 2006. – 312 с.
15. Думін, С. Беларускія татары: мінулае і сучаснасць / С. Думін, І. Канапацкі. – Мінск: Польша, 1993. – 206 с.
16. Богдан, С. Семь столетий Ислама в Беларуси // Минарет. – 2009. – 11 дек. – С. 23–27.
17. Миськевич, А. Татарское меньшинство в Польше в 1918–1939 гг. Общая характеристика, поселения, общественно-профессиональное состояние // Татары-мусульмане на землях Беларусі, Літвы і Польшчы: матэрыялы I Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. да 600-годдзя татарскага асідніцтва на землях Беларуска-Літоўскай дзяржавы, распачатага пры Вітаўце Вялікім, Мінск, 26–27 сак. 1993 г.: у 3 ч. / Беларус. дзярж. пед. ун-т; рэдкал.: І. Александровіч [і інш.]. – Мінск, 1995. – Ч. 3. – С. 403–449.
18. Miskiewicz, A. O tatarach polskich w Slonimie // Rocznik tatarow Polskich. – 1994. – № 2. – S. 231–236.
19. Канфесіі на Беларусі / В.В. Грыгор’ева [і інш.]; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск: ВІ «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.
20. Вабішчэвіч, А. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. Вабішчэвіч. – Брэст: БрДУ, 2008. – 319 с.
21. Грыбава, С.У. Татарскае насельніцтва на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў складзе II Рэчы Паспалітай // Осень 1939 г. – коренной перелом в судьбе белорусского народа: материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР, Брест, 24–25 сент. 2009 г. / БрГТУ; редкол.: Н.Н. Ковалева [и др.]. – Брест, 2009. – С. 48–55.
22. Грыбава, С.У. Вопыт рэлігійнай адукацыі татарска-мусульманскага насельніцтва Беларусі // Хрысціянскія ценнасці і развіццё сістэмы адукацыі ў РБ: матэрыялы республ. круглага стала, 30 мая 2012 г. / БрГТУ; под ред. Т.В. Лисовской. – Брест: БрГТУ, 2012. – С. 55–59.
23. Mały rocznik statystyczny: wrzesień 1939 – czerwiec 1941. – Warszawa: Zakład wydawnictw statystycznych, 1990. – 160 s.
24. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
25. Лакотка, А. Мячэці Беларусі // Татары-мусульмане на землях Беларусі, Літвы і Польшчы: матэрыялы I Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. да 600-годдзя татарскага асідніцтва на землях Беларуска-Літоўскай дзяржавы, распачатага пры Вітаўце Вялікім, Мінск, 26–27 сак. 1993 г.: у 3 ч. / Беларус. дзярж. пед. ун-т; рэдкал.: І. Александровіч [і інш.]. – Мінск, 1995. – Ч. 2. – С. 236–246.
26. Грыбава, С.У. Беларускія татары ў гады палітычных рэпрэсій 30-х гадоў XX ст. у БССР // Вестник БрГТУ. Серия гуманитарных наук. – 2012. – №6 (72). – С. 30–33.
27. Грыбава, С.У. Уклад татарска-мусульманскага насельніцтва Беларусі ў перамогу над ворагам падчас Другой сусветнай вайны // Вестник БрГТУ. Серия гуманитарных наук. – 2013. – №6 (72). – С. 34–37.
28. Грыбава, С.У. Удзел беларускіх татараў у падпольным руху на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны // Веснік БрДТУ. Серия гуманитарных і грамадскіх навук. – 2009. – № 3(38). – С. 21–28.
29. Грыбава, С.У. Беларускія татары на франтах Вялікай Айчыннай вайны // Вышэйшая школа. – 2009. – № 4. – С. 59–63.

30. Грыбава, С.У. Палітыка нямецкіх улад у дачыненні да татарскага насельніцтва Беларусі ў час Вялікай Айчыннай вайны // Віцебшчына ў 1941–1945 гг.: супраціў, вызваленне, ушанаванне памяці: матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., Віцебск, 18–19 чэрв. 2009 г. / Віцеб. дзярж. ун-т імя П.М. Машэрава; рэдкал.: В.У. Акуневіч [і інш.]. – Віцебск, 2009. – С. 100–105.

31. Канапацкі, І.Б. Да пытання аб сучасным стане беларуска-літоўскіх татар у Рэспубліцы Беларусь // Байрам. – 2000. – № 1–2. – С. 15–22.

32. Канапацкая, З. І. Традыцыйныя святы // Мастацтва. – 2004. – № 5. – С. 51–52

33. Бюллетень по итогам переписи населения РБ: национальный состав населения, данные по состоянию на 14 октября 2009 г. – Мн.: Национ. статистич. комитет РБ, 2009. – 11 с.

34. Жилинская, И.В. Государственно-конфессиональные отношения в Республике Беларусь: учеб.-метод. пособие / И.В. Жилинская, Л.Е. Земляков, Н.Н. Коликова. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2010. – 169 с.

35. Кафоликия: сб. материалов конференций, посвященных межконфессиональному диалогу. Выпуск 4 / Под ред. А.В. Данилова, С.Г. Карасевой. – Минск, 2011. – 153 с.

36. Васильев, Л. История религии Востока. – М., 1999. – 432 с.

37. Ленсу, М. Эволюция мусульманского культа у белорусских татар / М. Ленсу, М. Мараразаков // Татары-мусульмане на землях Беларуси, Литвы і Польшчы: матэрыялы I Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. да 600-годдзя татарскага асідніцтва на землях Беларуска-Літоўскай дзяржавы, распачатага пры Вітаўце Вялікім, Мінск, 26–27 сак. 1993 г.: у 3 ч. / Беларус. дзярж. пед. ун-т; рэдкал.: І. Александровіч [і інш.]. – Мн., 1994. – Ч. 2. – С. 221–224.

38. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна (НГАБ у г. Гродна). Фонд 1. Канцэлярыя гродзенскага губернатара. – Воп. 23. – Спр. 770.

39. Священная Кааба // Нур-Свет. – 2001. – № 9. – С. 4.

40. Ханиф, С. Что должен знать каждый об Исламе и мусульманах. – Киев: Молодь, 1998. – 132 с.

41. ар-Рахман Сафи аль Мубаракфури. Мухаммад. – Москва: Бадр, 2001. – 323 с.

42. Грыбава, С.З рэлігійнага жыцця беларускіх татар (на прыкладзе татар іўеўскай абшчыны) // Моладзь Берасцейшчыны: зб. навук. прац / БрДТУ. – Брэст: Выдавецтва С.Б. Лаўрова, 2003. – С. 103–107.

43. Родионов М.А. Ислам классический. – СПб.: «Петербург. Востоковед.», 2001. – 256 с.

44. Канапацкая, З.И. Празднично-обрядовая культура белорусских татар // Славянскі свет: мінулае і сучаснасць: матэрыялы рэсп. навук. канф. – Мн.: БДПУ, 2004. – Ч. 2. – С. 320–327.

45. Белявина, В.Н. Семейные и религиозные обычаи и обряды белорусских татар // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі // зб. навук. артык. – Вып. 6 – пад рэд. А.І. Лакоткі. – Мінск: «права і эканоміка», 2009 – С. 286–293.

46. Белявина, В.Н. Новации в семейных и религиозных обычаях и обрядах белорусских татар / В.Н. Белявина // Проблемы методологии социо-гуманитарного познания: диалектика и герменевтика / редколлегия: М.Е. Кобринский [и др.]. – Минск: 2009. – С. 134–137

47. Грыбава, С. Звычай і абрады ў жыцці беларускіх татар (на прыкладзе татар іўеўскай абшчыны) // Трансфармацыя культуры і грамадства беларускага Палесся: мінулае, сучаснасць перспектывы: матэрыялы міжнар. навук. канф. студэнтаў і аспірантаў, Брэст, 15–16 сакав. 2002 г. – Брэст, 2003. – С. 159–163.

48. Хаников, А.А. Ислам. – Минск: Книжный Дом, 2006. – 384 с.

49. Грыбава, С.У. Культ продкаў у жыцці беларускіх татар // Гуманит. знанне в контексте фармірав. інновац. культуры педагога: материалы IV науч.-практ. канф. молад. уч. у ч. і аспірантаў, Мінск, 25 мая 2007 г. / РИВШ; редкол.: В.И. Дынич [и др.]. – Мн., 2007. – с. 211–214.

50. Обряд погребения по исламу // Рамазан. – Мн.: Беларус. респ. об-ние татар-мусульман «Аль-Китаб», 1994. – № 1 – С. 36–42.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАССЕЛЕНИЯ ПОЛЬСКОГО ЭТНОСА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Поляки в Беларуси или белорусские поляки – третье по величине национальное меньшинство в Беларуси. Истоки польского влияния на белорусские земли относятся к концу I тыс. н.э., в период завершающей стадии славянской колонизации Восточной Европы. На территории современной Западной Беларуси в IX–X вв. соприкоснулись восточнославянские и западнославянские протонародности, из которых в ходе длительного исторического развития были сформированы польский и белорусский народы. Именно здесь сформировалась уникальная культурно-историческая общность – белорусско-польское пограничье от Тыкотина до Налибокской пуши, в границах которого осуществлялось по преимуществу польское влияние на Беларусь. Территория эта была слабо заселена и покрыта лесами и поэтому восточные и западные славяне могли жить бок о бок с иными этническими группами, практически не взаимодействуя между собой. До сих пор на Гроднинщине и Виленщине чередуются белорусские, польские и литовские деревни.

Одной из особенностей белорусско-польского взаимодействия являлось существование до XIX в. этнического компонента – балтских племён, наиболее распространёнными из которых были ятвяги. Первыми из западнославянских племён на земли современной Беларуси проникли мазовшане, которые в силу своей малочисленности не оказали заметного влияния на данной территории. Переломным моментом в истории польского влияния на белорусский этнос можно считать XIII–XIV вв., когда впервые начало осуществляться массовое переселение польского населения на территорию Западной Беларуси и начала распространяться среди белорусского населения польская политическая и духовная культура. В XIII в. контакты между западными белорусскими и польскими землями крепнут. Восточнославянские летописи и польские хроники неоднократно упоминают о военных и политических акциях между Галицко-Волынской Русью, Малопольшей и Мазовией. В середине XIII в. в Понемонье образуется новое государство – Великое княжество Литовское со столицей в Новогрудке. Исследователи насчитывают около 15 военных выступлений на Мазовию, Малопольшу, Куявы и Силезию, в которых участвовали войска Великого княжества Литовского в 40-70-е годы XIII в. Формирование территории ВКЛ сопровождалось многочисленными походами литовских дружин на соседние земли, в том числе и на польские, переживавшие в тот период феодальную раздробленность. Согласно «Хронике Стрийковского» в Литву в XIII в. было вывезено около 100 тысяч польских пленных [1, с. 336].

В этот период, по всей вероятности, появляются на белорусских землях довольно значительные группы польского населения («ляхов»). Данный факт подтверждается широким распространением на территории Беларуси топонимов, которые происходят от этнонима «лях». С XIV в. польские мещане поселялись в городах ВКЛ. Ещё одной группой польского населения на белорусских землях, которые колонизовали территорию Подляшья, были мазуры.

Для этносоциальных процессов в период средневековья немаловажную роль играл политический и религиозный фактор. Таким фактором явилось заключение польско-литовских уний, начиная с династической унии 1385 г. и заканчивая государственной унией 1569 г. Завершающим итогом в истории польско-литовского государственного строительства стала Конституция 3 мая 1791 г., провозглашавшая на базе шляхетской федерации создание единого государства.

Этнически польская шляхта, которая переселилась на белорусские земли в XVI – начале XVIII вв., оказалась устойчивой к ассимиляции. Данный фактор можно объяснить благоприятным для нее внутривнутриполитическим положением в государстве, более высоким социальным статусом по сравнению с местным белорусским населением, римско-католической конфессиональной принадлежностью. Наиболее устойчивыми этноопределяющими чертами этой группы стали римско-католическое вероисповедание и сословная принадлежность. Обычно жители таких польских поселений сохраняли память о польском этническом происхождении и считали себя поляками, сохраняли римско-католическое вероисповедание, некоторые шляхетские традиции. Однако они в значительной степени переняли материальную и духовную культуру, а также язык местного населения. Польский язык для них выполнял функцию представительного и культурного диалекта.

Еще в 1960-е годы представители старшего поколения этих поселений (например, на восточном Полесье, не входившем в межвоенный период в состав польского государства) сохраняли владение польским языком, который на тот момент являлся одной из разновидностей периферийного диалекта. Кроме того, о польском происхождении их жителей свидетельствовал сравнительно богатый польский песенный репертуар, (который состоял преимущественно из романсов), фамилии жителей, закрепленные за ними экзоэтнонимы (название группы со стороны окружающего иноэтнического населения): «пшэки», «ляхи».

Начало новой волны польской миграции связано с развитием лесных промыслов на белорусских землях, особенно на Полесье. Начало ее относится к концу XVII в., а продолжалась она до середины XIX в. На этом этапе миграция не имела прежнего массового характера, выезжали отдельные семьи или небольшие группы лиц, основным занятием которых были лесные промыслы: производство смолы, древесного угля, поташа, скипидара, дегтя, производство клепки и др. Для налаживания производства в лесном хозяйстве правительство приглашало переселиться жителей из тех регионов Польши, где оно начало активно развиваться немного ранее. Главным образом миграция происходила на Полесье, частично – в Поднепровье и центрально-белорусские земли. Переселенцев называли «будниками» или «мазурами». Сначала они занимались исключительно лесозаготовкой и лесными промыслами, но с течением времени на расчищенных земельных наделах строили себе стационарные жилища, платили владельцу земли оброк и становились оседлыми арендаторами. Миграция мазуров не была однократной, преимущественное большинство переселенцев было быстро ассимилировано местным населением. Смогли сохранить этнические особенности только сравнительно большие группы, потому что создали свои поселения или группы поселений.

В 60-е годы XX в. в семи исследованных В. Вереничем районах Припятского Полесья насчитывалось более полутора десятков мазурских поселений. Их мазовецкое происхождение подтверждалось следующими особенностями, отличающими их от полесского окружения. За ними сохранился экзотизм «мазуры», который иногда сочетался с термином «шляхта»). Местное же население в прошлом относилось к категории крепостных крестьян. Свои особенности имеют фамилии «Мазуров», которые в большинстве не совпадают по словообразовательным и формальным признакам ни со шляхетскими, ни тем более с крестьянскими фамилиями, распространенными на Полесье (Домбровский, Мартиновский, Заруцкий, Рудницкий, Тшибульский, Окницьиц и др.). Свообразными являются так же как сами типы поселений («колёния», «застенок»), так и названия населенных пунктов (Буды, Будки Войтковитские, Будки Боровские, Будки Сновидовские, Мазуры, Рудня Коленская и др.). Кроме того, все мазуры были католиками.

К 1860-м гг. относится начало очередной волны польской миграции, которая продолжалась до Первой мировой войны. В этот период мигрировали безземельные батраки, завербованные в разных областях этнической Польши, особенно в Силезии, Прикарпатье, Мазовии, а также на Виленщине. Эти мигранты получили название «хатэчковых»). Обычно помещики размещали их примерно на следующих условиях: помещик давал семье дом, огород, десятину выпаса, полдесятины сенокоса, дрова и лесоматериал для ремонта и постройки необходимых строений. За это завербованная семья должна была каждый день на протяжении года поставлять двух работников с оплатой по 20 копеек за мужчину, 15 копеек за женщину и 10 копеек за ребенка. Такие батраки обеспечивали помещику наличие необходимой в его хозяйстве рабочей силы. Поселение таких батраков описано Э. Еленской в работе «Деревня Комаровичи Мозырского повета»: «В Комаровичах есть поселение, которое состоит из 12 дворов и населено преимущественно слензаками и кракусами, а также двумя семьями, приехавшими из-под Вильно. Все они являются католиками, разговаривают по-польски. Их материальные условия полностью зависят от личных способностей: одни, более работающие, живут очень неплохо и даже откладывают копейку на черный день; другие же не вылазят из вечной нищеты, каждый год сменяют место жительства и нигде не могут ни прижиться, ни засидеться... Это селение, находящееся в версте от имения, между Запольем и Комаровичами, называют Кшижик. Жителей Кшижика называют обычно «кшижаки», по-местному – «кшижацкие»). Живут они полностью отдельно, в брачные отношения вступают преимущественно со своими, а с местными крестьянами вступают только в деловые отношения. Впрочем, они не отличаются от полешуков ни более высокой моралью, ни порядком, только более заметным стремлением к образованию. Почти все их сыновья посещают начальное училище...» [1, с. 338]. В отличие от мелкошляхетской миграции предыдущих этапов данный этап охватывал преимущественно крестьянское население, о чем свидетельствуют занятия. Ассимиляция среди этой группы осуществлялась более быстрыми темпами, а престижность родного языка оставалась более низкой.

Следующая волна эмиграции поляков на белорусские земли имела место в 1920-30-е гг., в тот период, когда после подписания Рижского мирного договора в марте 1921 г. белорусские земли входили в состав польского государства. В первую очередь это касается интеллигенции – учителей, представителей администрации, которые составляли около 1% населения Западной Беларуси. Одной из главных целей колонизации было нежелание правительства допустить в результате аграрной реформы передачи большинства земли в руки белорусских и украинских крестьян. Кроме того, колонизация являлась отличным средством колонизации местного населения. Колонисты становились опорой польской администрации на восточных землях польского государства. Уже в 1921 г. программа колонизации начала осуществляться. Это была военная колонизация, проводимая бывшими участниками польско-советской войны 1919–1920 гг., которая привела прежде всего к обострению межнациональных отношений в Западной Беларуси. Белорусские крестьяне справедливо считали колонистов своими конкурентами, которые отбирали у них землю, поэтому случаи, когда колонисты спекулировали землей, вызывали протесты негодования среди крестьян. Правительство, видя непопулярность и неэффективность военной колонизации, пробовало ввести менее раздражающую гражданскую колонизацию. Таким образом, акция военной колонизации, которая наиболее интенсивно проводилась в 1921–1923 гг., была фактически остановлена. Многие представители польского госаппарата предлагали переселить на «восточные кресы» большие группы польского населения, так как местным полякам не доверяли. Наиболее радикальным был секретный план «Перспективы внутренней колонизации», разработанный сотрудником МВД В. Орнитским в 1937 г. Планировалось переселить с запада на восток и наоборот около 6 миллионов человек. Доля польского населения в отдельных западнобелорусских уездах должна была превысить 56,2%. Именно такой показатель гарантировал бы доминирование в этих местностях польского элемента на два будущих поколения, что дало бы время полякам на ассимиляцию белорусов. Однако грандиозный проект переселения народов не был реализован из-за организационных, финансовых и иных трудностей. Всего на протяжении 1920-30-х гг. в Западную Беларусь переселились около 30 тыс. этнических поляков. Эта группа обладала наиболее устойчивым комплексом этнических примет, но практически вся она была либо депортирована после присоединения Западной Беларуси к БССР в 1939 г., либо репатрирована в Польшу после Второй мировой войны.

Однако перечисленные выше волны миграции коренного польского населения на белорусские земли оставили лишь небольшие, дисперсно расселенные группы, которые, особенно на протяжении XX в., были в значительной степени ассимилированы. Наиболее компактные, самые большие и устойчивые к ассимиляции группы польского населения сложились на большой полосе вдоль современной белорусско-литовской границы, где, начиная с XV в., происходили сложные этнические процессы, часто связанные со сменой (иногда даже неоднократной) этнического самосознания населения с генетической преемственностью. Особенно эти процессы усилились со второй половины XIX в.

Большое влияние на развитие как белорусского этноса, так и польской этнической группы Беларуси оказал переход на польский язык высших слоев общества Великого княжества Литовского, осуществленный в конце XVI–XVII вв. Этому способствовала династическая уния, польский язык был языком королевского двора, он использовался в торговых отношениях между ВКЛ и Польшей. Распространением польского языка занималось католическое духовенство, представители которого либо были поляками по происхождению, либо получили в Польше образование (главным образом в Краковском университете). По мнению исследователя Ю. Бардака большую роль в распространении польского языка на территории Великого княжества Литовского сыграла реформация и сменившая ее контрреформация, идеи которых пришли через Польшу. Преимущественно именно реформаторы в своих полемических диспутах и письменных произведениях использовали польский язык вместо латинского. Однако факт распространения польского языка еще не означал полной колонизации. Немаловажными факторами колонизации, по мнению историка С. Донских, были следующие: 1) польская культура давала шляхте Великого княжества Литовского ряд привилегий и свобод, которых не знало не только дворянство Московского государства, но и западноевропейских государств; 2) в XVI в. для Великого княжества Литовского жизненно обходимо являлась военная помощь со стороны Польши в условиях непрерывной конфронтации между княжеством и Московской державой; 3) на землях Великого княжества Литовского польская культура стала восприниматься как объединительное начало, позволяющее снять противостояние между различными этническими компонентами государства [2, с. 79].

Решающую роль в закреплении на территории Беларуси как католической веры, так и польской культуры сыграли войны середины XVII в., которые сделали католицизм единственно возможным государственным вероисповеданием, а польскую культуру единственно возможной культурной ориентацией «политического народа» Речи Посполитой. В то же время шляхта Великого княжества Литовского была двуязычной. В имениях и дворцах звучала польская речь, а для общения с крестьянами шляхта использовала русские, украинские или литовские говоры. Домашним языком значительной части шляхты на территории Беларуси являлся белорусский язык. По-польски говорили при дворах крупных феодалов, в армии, в костеле. Знание польского языка являлось признаком образованности, принадлежности к особой социальной категории – шляхте, которая и являлась «политическим народом» в Речи Посполитой.

Масштаб распространения польского языка в Великом княжестве хорошо проанализирован французским исследователем А. Мартемом, который показал, что на польском языке в конце XVI – первой половине XVII вв. выходили даже произведения, написанные иерархами православной церкви (они желали тем самым привлечь более широкий круг читателей, чего нельзя было добиться при помощи церковнославянского языка). Окончательное закрепление польского языка и пропольской культурной ориентации произошло, как уже говорилось, после войн середины XVII в. При этом понятие «польскость» имело в виду

прежде всего как государственная, гражданская принадлежность, а термин «поляк», который еще в XVI в., противопоставлялся термину «литвин», в XVIII в. становится синонимом гражданина всей Речи Посполитой.

Все эти процессы способствовали повышению авторитета польского языка не только среди шляхетского, но и крестьянского населения, особенно на территории современного белорусско-литовского пограничья, где шел постепенный процесс славянизации балтского населения. Еще в середине XIX в. жители многих деревень Ошмянского, Гродненского, Лидского и Слонимского поветов разговаривали на литовском языке. Переход на белорусский язык еще более ускорился после отмены крепостного права и с развитием капиталистических отношений. При этом, сохраняя римско-католическое вероисповедание, в костеле они пользовались польским языком, так как белорусский туда допущен не был и считался «простой мовой». Таким образом, сформировалась группа белорусов-католиков, повседневным домашним языком которых был белорусский, а языком престижным, костельным, благородным, репрезентативным – польский. Об этом свидетельствуют данные переписей начала XIX в. Так, на 1829 г. римокатоликами было около 33% населения Гродненской губернии, униатство исповедовало 40% населения губернии, православие – около 10% [1, с. 341]. Надо учитывать, что абсолютное большинство римокатоликов являлись потомками балтоязычного, литовского населения, так как славянское по языку население придерживалось греческого обряда, хотя позднее в эту группу влилась часть белорусов, которые после ликвидации униатской церкви категорически отказались переходить в православие и приняли римокатолицизм.

Исследователи отмечают также, что большую роль в полонизации местного населения играла политика Российской империи по «разбору» шляхты. Бывшая шляхта была переведена в категорию так называемых «однодворцев», для которых были характерны римско-католическое вероисповедание. Сохранение некоторых шляхетских традиций, использование польского языка в качестве репрезентативного свидетельствует о том, что она являлась носителем тех культурных элементов, которые на протяжении столетий были недоступны крестьянам. Мельчали и имения более богатой шляхты. Около этих имений создавались шляхетские деревни – околицы, жители которых в большинстве своем были двуязычными. Околицы, фольварки, застенки и просто хозяйства однодворцев были не менее важными источниками распространения польского языка, чем костел и имения. На 1827 г. в Гродненской губернии проживало более 27 тыс. шляхетских семей. Следует подчеркнуть, что польский язык не вытеснил белорусские говоры. Они как бы разделили сферы употребления: «простой» белорусский становился домашним, неофициальным языком, польский – язык внешних отношений. Ни в одном из исконно белорусских населенных пунктов не возникло польского одноязычия, нигде на белорусской территории не образовались польскоязычные острова, и очень редко, в отдельных семьях, польский язык употреблялся в качестве домашнего.

В результате, когда в первой половине XIX в., согласно официальной российской статистике, поляки составляли 10–15% от общего количества населе-

ния Гродненской губернии, то, например, исследователь П. Бобровой в конце 1850-х – начале 1860-х гг. насчитывал их до 37% от общей численности населения губернии [1, с. 342]. Хотя перепись 1897 г. показала уменьшение численности поляков среди населения Гродненской губернии, но следует учитывать, что главным ее критерием выступал повседневный рост населения, а не его самосознание. Однако начало XIX в. стало временем расцвета польской культуры на территории современной Беларуси. Флагманом науки на земле современной Беларуси и Литвы являлся Виленский университет, а также гимназии, коллегии способствовали распространению науки и культуры на вышеуказанных территориях. Проявлением расцвета культуры на территории современной Беларуси и Литвы стало творчество таких выдающихся деятелей польской культуры, выходцев из Беларуси, как А. Мицквич, С. Монюшко, К. Нарбут, И. Лялевель и другие. Расцвет польской культуры совпал со временем прекращения существования Речи Посполитой и миграцией части населения, в основном, высших слоев общества с территории Беларуси в Западную Европу.

К наиболее существенным причинам расцвета польской культуры в первой половине XIX в. можно отнести: 1) подъем национального самосознания после прекращения существования польского государства; 2) национально-свободительное движение приобрело форму существования тайных культурно-просветительских товариществ, выступавших за сохранение языка, традиций; 3) либеральная политика российского императора Александра I, который в условиях борьбы с наполеоновской Францией пытался нейтрализовать действие польского национально-освободительного движения, путем обещаний возродить ВКЛ, оказывая поддержку польскому просвещению на землях Литвы и Беларуси; 4) после прекращения существования Речи Посполитой культурная ассимиляция со стороны Российской империи белорусского населения не смогла осуществиться быстрыми темпами. В начале XIX в. российское руководство пыталось использовать польских специалистов в интересах империи.

Поражение национально-освободительного восстания 1830–1831 гг. стало переломным в истории поляков на территории Беларуси. Русское правительство начало осуществлять гонения на польскую культуру: эмиграция, закрытие учебных заведений и католических монастырей. Все это разрушало культурное наследие Речи Посполитой на белорусских землях. После ликвидации польской системы образования и уменьшения политического влияния шляхты главенствующая роль в сохранении польского влияния на территории современной Беларуси переходит к католической церкви, которая является главным структурообразующим элементом поляков. Русское правительство стремилось уменьшить влияние католической церкви среди белорусского населения, поэтому оно постепенно сокращало количество католического духовенства, подрывая его экономическую базу. В 1832 г. были ликвидированы некомплектные католические монастыри, а их поместья переданы казне, а в 1841 г. уже все духовенство было лишено права иметь земельную собственность. Однако, поскольку православное духовенство земли практически не имело, то в результате данной акции земельной собственности лишилась католическая церковь. После поражения

восстания 1863 г. началась новая полоса антипольских репрессий. Они в первую очередь коснулись католических братств, которые, по мнению русских властей, считались орудием распространения «польскости» на белорусских землях.

Только на рубеже XIX–XX вв. в условиях развития капиталистических отношений «польскость» на белорусских землях приобретает характер национальной культуры, а польский этнос превращается в нацию. Для данной трансформации необходимы были определенные исторические условия. Важнейшим оплотом польской культуры на белорусских землях являлась католическая церковь, несмотря на репрессии, предпринимаемые против нее русскими властями. В 1897 г. в Виленской губернии католики составляли 60% населения, в Гродненской и Витебской губерниях – по 24%, Минской губернии – 10%, Могилевской – 3% [2, с. 85]. И в настоящее время польское население Беларуси и Литвы сконцентрировано в основном вдоль польской границы. Польскую культуру распространяли среди местного католического населения польские землевладельцы, которые сумели сохранить экономическое влияние на белорусских землях. Так, в начале XX в. польское дворянское землевладение составило 69% в Виленской губернии, 50% – в Гродненской губернии, 37% – в Витебской губернии, 31% – в Могилевской губернии [2, с. 86]. Успешному возрождению «польскости» на белорусских землях в национальном качестве во второй половине XIX в. способствовала деятельность «кресовой» польской интеллигенции. К числу выдающихся представителей польской культуры вышеуказанного периода можно отнести Э. Ожешко и Ю. Иодковского. В начале XX в. польский этнос одним из первых на территории Беларуси трансформировался в нацию. Численность польского населения в Северо-Западном крае в тот период была около 1 миллиона человек, что составляло около 10% местного населения. Поляки, проживающие на белорусских землях, имели как высокоразвитую национальную культуру, так и полную социальную структуру, как и положено полноценной нации. Они относились к дворянскому сословию, священнослужителям, чиновникам, интеллигенции, горожанам, рабочим и крестьянам. Это выгодно отличало их от других этносоциальных структур на белорусских землях. Однако процесс формирования польской нации на Беларуси ограничился территорией Виленской и Гродненской губерний. Противостояли данному процессу российские царские власти и литовское национально-освободительное движение. Они абсолютизировали социальные конфликты, существовавшие в период Речи Посполитой между польским паном и белорусским, литовским крестьянином, а также религиозные конфликты между панам-католиками и крестьянами-православными.

События первой мировой (1914–1918 гг.) и советско-польской (1919–1920 гг.) войн показали жизнеспособность польского этноса на территории Западной Беларуси. Именно польское население, несмотря на жесткое противодействие немецких оккупационных властей, в 1918 г. сумело создать отряды самообороны в Вильно, Гродно, Лиде, Щучине, которые отступили только под напором превосходящих сил Красной Армии. Межвоенный период (1918–1939 гг.) был

крайне противоречивым и сложным в истории поляков, населяющих территорию Беларуси, особенно на территории БССР. Политику советской власти по отношению к польскому национальному меньшинству можно условно поделить на два периода, которые диаметрально отличаются друг от друга. Первый период характеризуется созданием сети польских национальных автономий на территории СССР. Польские сельские советы начали создаваться в 1924 г. В начале 30-х гг. XX в. в СССР были созданы две маленькие польские «социалистические республики». Одна на Украине, другая в Беларуси (имени Дзержинского, недалеко от Минска). Центром польского национального района на Беларуси являлось местечко Койданово. В Койдановском районе проживало 50% поляков. 15 марта 1932 г. ЦК КП(б)Б утвердил Койдановский польский район, в состав которого вошли 17 сельских советов, из них 9 были польскими. Руководство района состояло из местных поляков, а также коммунистов, которые приехали из Польши. Советская власть выделяла значительные на то время средства на развитие польского национального района. Только в 1932–1933 гг. ему было выделено 1,5 млн. рублей, что в 2 раза больше, чем соседним районам. В Дзержинске были построены административные здания, школы, был открыт польский сельскохозяйственный техникум. В имении Станьково начал функционировать институт под названием Польский Научный Комбинат, который готовил учителей начальных классов. В 1933 г. в нем обучалось 110 студентов. В 20-е г. XX в. при ЦК КП (б)Б существовало Польское бюро. В 1920–30-е гг. на территории БССР на польском языке выходили газеты, существовало Польское отделение Белорусской ассоциации пролетарских писателей.

Второй период в политике советской власти по отношению к польскому национальному меньшинству характеризуется репрессиями против польского населения, которые были связаны с политикой коллективизации, проводимой большевиками на территории БССР, и ликвидацией польской автономии. Акция по ликвидации последней проходила в 1936–1937 гг. Дзержинский польский район был разделен между тремя соседними районами. В мае 1937 г. перестала выходить центральная республиканская польская газета «Орка». Если в 1935 г. насчитывалось еще 135 польских школ, то в 1937 г. ни одной, в 1938 г. были ликвидированы все сельские советы [3, с. 163]. Массовые выселения людей польской национальности начались в 1938 г. Практически все поляки Дзержинщины были выселены, а также подверглись выселению поляки, проживающие в Слуцке, Полоцке, Минске. Существование польской национальной автономии стало своеобразным полигоном компартий СССР и Польши для осуществления эксперимента по строительству социализма в будущем на территории Польши.

На совещании польских партийных работников при ЦК КП(б)Б, состоявшемся в декабре 1929 г., была принята резолюция «О коллективизации польского трудового крестьянства в БССР». Принимая во внимание наличие в БССР кулаков-поляков и учитывая их влияние на середняков и бедняков, было принято решение усилить пропагандистскую работу по коллективизации среди польского населения. Перед окружным польским бюро были поставлены следующие

шие задачи: 1) до окончания весенне-полевых работ провести коллективизацию всех польских сельских советов, 2) более решительно вести работу в направлении расширения мелких и недоукомплектованных коллективных хозяйств путем пополнения за счет середняков и бедняков, 3) усилить работу по использованию в практической работе батрацко-бедняцкий коллектив. К началу 1930 г. коллективизацией было охвачено значительное число польского населения, особенно в восточных районах БССР. Первенство по количеству крестьян польского происхождения, охваченных коллективизацией, принадлежало Гомельскому округу, в котором к январю 1930 г. в колхозы было вовлечено 65% польского населения [4, с. 15].

Незначительно от Гомельского округа отставал Могилевский округ, в котором к январю 1930 г. было коллективизировано 54% польских хозяйств. Такими же быстрыми темпами проводился процесс коллективизации среди польского населения в остальных округах БССР. При проведении коллективизации представители власти кроме агитационных мер применяли и методы принуждения, угрожали высылкой в Сибирь. Коллективизация сопровождалась обобществлением скота, закрытием костелов, превращением их в хлебные амбары. Все эти перегибы вызвали негативное отношение польских крестьян к политике коллективизации и поэтому весной 1930 г., когда возникла возможность, многие крестьяне покинули колхозы. Политика раскулачивания, проводимая большевиками, коснулась также и польских крестьян. Прежде, чем приступить к раскулачиванию и выселению за пределы БССР, вопрос обсуждался на собрании бедноты, пленумах сельсоветов, собрании колхозников. Каждый кандидат на выселение обсуждался персонально. Количество раскулаченных польских семейств в различных округах БССР было довольно внушительным. Так, в Любавинском сельсовете Буда-Кошелевского района из 228 польских хозяйств выселялись 78 как кулаки и политически неблагонадежные [4, с. 19].

Насильственные методы раскулачивания вызывали стихийные протесты у крестьян польской национальности. Крестьяне, за исключением бедноты, выступали в защиту выселяемых крестьян, обратно вселяли их в собственные дома, срывали красные флаги, вывешивали белые польские штандарты. Одной из форм сопротивления насильственной коллективизации явилась нелегальная эмиграция в Польшу в приграничных районах БССР. Иногда крестьянам удавалось перейти на территорию Польши, несмотря на то, что западную границу СССР охраняли пограничные отряды ОГПУ. По неполным данным, полученным руководством ОГПУ от БВО от внутренней и внешней агентуры, на протяжении 1930 г. на территорию Польши убежали 144 человека. На самом деле число перебежчиков было значительно больше. В 1931 г. в СССР продолжалась компания по насильственному переселению крестьян в районы крайнего севера. Польское население выселялось в основном из 17 приграничных районов [4, с. 24].

В 1920-30-е гг. на западнобелорусских землях отмечалось не только укрепление национального самосознания местного польского населения, но и формирование его у части белорусов. Эти процессы происходили главным образом вокруг Вильно, а также в полосе между Гродно и Белостоком и далее в направлении Лиды. Помимо уже отмеченной политики колонизации, которую прово-

дило в межвоенный период правительство Польши, распространение польского языка и культуры шло через систему образования и католическую церковь. В 1937/38 учебном году в Виленском, Новогрудском и Полесском воеводствах функционировала 4421 общеобразовательная школа с 546,6 тысячами учащихся и 54 гимназии с 15,9 тысячами учащихся. При этом все же остались 5 белорусских школ с 500 учениками [1, с. 346]. Владение польским языком не только давало возможность продвижения по социальной лестнице, но было престижным и на местном уровне, когда образованный человек пользовался большим авторитетом среди односельчан. Кроме того, польская школа обеспечивала глубокое патриотическое воспитание, память о котором нередко сохраняется до настоящего времени.

С приходом советской власти в 1939 г. польское население на белорусских землях утратило свою доминирующую позицию. Поляки не только утратили свои былые привилегии, но и те права, которые способствовали бы их национальному развитию. Польский язык утратил свой бывший статус, перестав быть государственным. Были ликвидированы структуры польской администрации и институт польской государственности. Специалисты, чиновники польской национальности подвергались увольнению новой властью без всяких весомых причин. Для работы во вновь созданных областях привлекались специалисты из восточных регионов БССР, многие из которых не имели соответствующей квалификации, не обладали высокими моральными качествами. 3 декабря 1939 г. ЦК КП(б)Б принял решение «О мероприятиях по организации народного образования в западных областях Белоруссии», в котором говорилось о необходимости создания преимущественно белорусских школ в данном регионе. В западных областях Беларуси было создано 5633 школы, из которых 4192 (74,4%) – белорусские, польских – 987 (17,5%), русских – 173 (3,1%), еврейских – 169 (3%), литовских – 1,1%, украинских – 0,9% [5, с. 197]. Это не соответствовало это удельному весу польского населения, которое проживало на территории Западной Беларуси. Для того чтобы оправдать данные мероприятия, советские руководители утверждали, что на восток от Буга поляков нет, называя всех католиков колонизованными белорусами. Антипольский характер носила политика советской власти в области легальной прессы. Кроме Белостокской губернии, все остальные западнобелорусские области были лишены польскоязычной прессы. Начались гонения со стороны советской власти на религию. Имущество католической церкви, как и других конфессий, было национализировано. Отсутствие в обществе политических и гражданских прав и свобод дополнялось непрекращающимися репрессиями. За 1939 г. в западных областях Беларуси по политическим мотивам было арестовано 5256 поляков, 2422 белоруса, 661 еврей, 254 украинца. В 1940–1941 гг. советская власть провела четыре крупные депортации населения на территории Западной Беларуси, в ходе которых было репрессировано 124 800 человек, из них более 120 тысяч выслано в глубь СССР [5, с. 200].

После Второй мировой войны, согласно соглашению между СССР и Польской Народной Республикой, из БССР в Польшу было переселено 274,2 тысячи человек польской национальности. В 1955–1959 гг. прошел второй этап репат-

риации польского населения из западных областей Беларуси и Украины. Всего в ходе двух этапов репатриации территорию Беларуси покинули около 400 тысяч поляков, которые осели главным образом на территориях, присоединенных к Польше после Второй мировой войны. Согласно данным переписи 1959 г., в БССР насчитывалось 538,8 тысяч поляков, из них 332,4 тысячи (61,7%) – в Гродненской области. Всего доля поляков составила 6,7% от общей численности населения республики [1, с. 347].

В советский период доля польского населения в БССР постепенно снижалась: 4,3% – в 1970 г., 4,2% – в 1979 г. и 4,1% – в 1989 г. Первая перепись населения независимой Республики Беларусь, проведенная в 1999 г., выявила на территории государства 395,7 тысяч поляков, что составило 3,9% от общей численности населения республики. Всего с 1959 по 1999 гг. численность польского населения республики уменьшилась на 26,6%. Однако при этом количество поляков Гродненской области сократилось лишь на 2,2% [1, с. 347].

В БССР поляки не получили свободы национально-культурного развития. В 1947 г. в Гродно была закрыта последняя польская школа на территории Беларуси. Если в 1959 г. по переписи населения польский язык в качестве родного назвали 49,9% поляков БССР, то в 1989 г. этот показатель составил лишь 13,3%, абсолютное большинство в качестве родного языка назвали белорусский [1, с. 348]. Изменения в языковой сфере – это первый этап на пути к смене национального самосознания. Изменив место жительства, переехав в город, польское население часто изменяло национальную идентичность. Особенно эти процессы характерны для Центральной и Восточной Беларуси, где доля польского населения резко сократилась. Единственным институтом, где продолжал функционировать польский язык, оставался католический костел.

Перемены к лучшему в национально-культурном развитии польского населения в БССР начались только во второй половине 1980-х гг., вместе с процессом демократизации в СССР. В 1988 г. было создано Гродненское областное польское культурно-просветительское общество имени А. Мицкевича. Его отделения были созданы в Лиде, Щучине, Волковыске, Порозове и др. В июне 1990 г. все польские общественные организации БССР объединились в Союз поляков Беларуси, в который сейчас входят 70 областных и районных отделов, а также 7 тысяч человек. При Союзе поляков Беларуси существует еще 10 общественных организаций и создано более 40 польских ансамблей художественной самодеятельности. Ежегодно проводится фестиваль польской песни, артисты гастролируют с концертами. Почти в 300 школах республики польский язык изучает около 15 тысяч учеников. В Гродно, Волковыске, Минске, Бресте, Новогрудке, Лиде существуют классы, где обучение ведется в основном на польском языке. В Гродно и Волковыске открыты школы с польским языком обучения. Союз поляков Беларуси издает еженедельную газету «Глос знад Немна» и журнал «Польский магазин». В Беларуси действуют также «Общество польской культуры на Лидчине» (с 1991 г.), Польский институт в Минске, Польское культурно-просветительское товарищество «Полония» в Минске. Важную роль играет общество «Польская школьная Отчизна» («Polska Macierz

Szkolna»), основанное в 1996 г., которое является преемницей общества «Просвещение», организованного в 1995 г. Общество содействует возрождению и развитию на территории Беларуси польскоязычного образования на всех уровнях, развитию польской культуры и просвещения. В Республике Беларусь в 1992 г. принят закон «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь», который «направлен на создание условий для свободного развития национальных меньшинств, а также на защиту прав и законных интересов лиц, относящихся себя к национальным меньшинствам» [6, с. 1], в том числе и польского этноса, проживающего на белорусской земле. С 2006 г. на польском языке начала вещание радиостанция «Беларусь».

Проанализируем данные переписи 1999 г., чтобы выяснить географию размещения польского населения. По данным переписи, проведенной в 1999 г., общая численность польского населения составила – 395 712 тысяч человек (3,939%). В двух районах Республики Беларусь – Вороновском и Щучинском – доля польского населения была более 50%. В четырех районах – Гродненском, Браславском, Зельвенском, Волковысском – доля поляков среди общей численности населения составила от 25 до 50%. В Островецком, Ошмянском, Воложинском, Столбцовском, Ивьевском, Дятловском, Мостовском, Берестовицком, Свислочском районах доля польского населения колебалась от 10 до 25%. Иная картина складывается при анализе расселения сельского польского населения, которое составило более 50% от общей численности населения в Вороновском, Лидском и Щучинском районах; от 25 до 50% – в Гродненском, Берестовицком, Мостовском, Зельвенском, Ивьевском, Столбцовском, Браславском районах; от 10 до 25% – в Островецком, Ошмянском, Дятловском, Свислочском районах. Польское сельское население сконцентрировано преимущественно в Гродненской области, а также некоторых районах Минской и Витебской областей. Польское городское население размещалось преимущественно в крупных городах Западной Беларуси. В Гродно численность поляков составила почти 67 тысяч человек, в Лиде – 38,5 тысяч, Барановичах – 6,5 тысяч, в Минске зафиксировано лишь 17,5 тысяч поляков, в Бресте – 3,7 тысяч [1, с. 349].

Согласно данным переписи населения Республики Беларусь 2009 г., численность поляков составила 294,5 тысяч человек и сократилась за последние 10 лет на 101,2 тысячи человек (25,6%). Поляки по-прежнему занимают третье место среди национальностей Беларуси (после белорусов и русских) и составляют 3,1% от общей численности населения страны. Как и ранее, поляки преимущественно сконцентрированы в Гродненской области – 230,8 тысяч, что составляет 78,4% от общей численности поляков Беларуси. В Минской области проживают 17,9 тысяч поляков, в Брестской – 17,5 тысяч, в Витебской области – 11,1 тысяч, Гомельской – 1,9 тысяч, Могилевской – 1,7 тысяч поляков [1, с. 349]. Таким образом, эти данные свидетельствуют о том, что в Республике Беларусь сохраняется компактное размещение польского населения вдоль белорусско-литовской и белорусско-польской границ, так как там оно наименее подвержено ассимиляционным процессам. Дисперсное расселение поляков в центральных и восточных районах Беларуси свидетельствует об усилении процессов ассимиляции польского этноса.

Список цитированных источников

1. Гурко, А.В. Кто живет в Беларуси / А.В. Гурко [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т искусствоведения, этнографии и философии им. К. Крапивы. – Минск: Беларус. навука, 2012. – 799 с.

2. Донских, С.В. Поляки и «польскость» в истории Беларуси: опыт социокультурной типологии / С.В. Донских // Проблемы национального сознания польского населения: материалы III Междунар. науч. конф., Гродно, 22–24 окт. 2004. / Гродн. гос. ун-т. – Гродно, 2004. – С. 73–89.

3. Тугай, У.В. Польскі этнас у БССР (1920-30 гг.) / У.В. Тугай // Проблемы национального сознания польского населения: материалы III Междунар. науч. конф., Гродно, 22–24 окт. 2004. / Гродн. гос. ун-т. – Гродно, 2004. – С. 159–163.

4. Жук, В.Н. Из истории польского национального меньшинства в БССР (1920-30-е гг. XX в.) / В.Н. Жук. – Минск: Ковчег, 2008. – 61 с.

5. Сільвановіч, С.А. Палітыка савецкіх улад у адносінах да польскага насельніцтва паміж вераснем 1939 г. і чэрвенем 1941 г. / С.А. Сільвановіч // Проблемы национального сознания польского населения: материалы III Междунар. науч. конф., Гродно, 22–24 окт. 2004. / Гродн. гос. ун-т. – Гродно, 2004. – С. 192–202.

6. О национальных меньшинствах в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь от 11 ноября 1992 г. № 1926-ХІІ // Ведомости В.С. Р.Б. – 1992. – № 35. – 550 с.

Учебное издание

Ольга Ивановна Билевич
Светлана Владимировна Грибова
Михаил Васильевич Стрелец

**ИЗУЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ
МЕНЬШИНСТВ БЕЛАРУСИ В ВУЗОВСКОМ КУРСЕ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН**

Текст печатается в авторской редакции

Ответственный за выпуск **Стрелец М.В.**

Редактор **Боровикова Е.А.**

Компьютерная вёрстка **Кармаш Е.Л.**

Корректор **Никитчик Е.В.**

ISBN 978-985-493-277-4

9 789854 932774

Издательство БрГТУ.

Лицензия № 02330/0549435 от 8.04.2009 г.

Подписано к печати 27.01.2014 Формат 60x84 ¹/₁₆.

Бумага «Снегурочка» Усл. печ. л. 3,7. Уч. изд. л. 4,0.

Заказ № 1225. Тираж 100 экз.

Отпечатано на ризографе учреждения образования

«Брестский государственный технический университет».
224017, г. Брест, ул. Московская, 267.